Зиновьев

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ в Германии

Г. Зиновьев.

Двенадцать дней в Германии

Государственное Издательство

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Петербург—Просп. 25 Октября, д. 28.

	Цена. Р. К.
Адлер, Георг. Анархизм	10 —
Ад-янц. Крестьянский вопрос во Франции. Разошлось	— 55
Алексеев и *Варлен.* Две речи	— 70
Арну. Мертвецы коммуны	— 45
,, Народная история Парижской коммуны	10 —
Артамонов. Земля родная. Стихотворения	6 50
Афиногенов (Степчой), Н. Записки ополченца. Разошл.	1 25
Бакс. Парижская Коммуна	1 75
Барбюс. В огне. Дневник полувзвода. Перевод Арденина. 3-е изд.	30 —
Басов - Верхоянцев. Венок. Сказки	5 —
Бебель, А. Интеллигенция и социализм	1 25
Его-же. Из моей жизни. Мемуары, т. I	7 50
Его-же. Из моей жизни. Мемуары, т. II, ч. I	7 50
Его-же. Христианство и социализм	— 50
Бедный, Д. Земля обетованная	1 20
Его-же. В огненном кольце	1 50
,, Песни прошлого	3 —
,, Сытый голодного не разумеет (басни)	4 50
Бэзсалько. Алмазы востока. Сказки. С иллюстрац.	8 —
Бернштейн. Фердинанд Лассаль. Биографич. очерк.	7 —
Блосс, В. История французской революции	32 —
Богданов. Красная звезда	5 20
,, Инженер Мэнни	7 —
Браке. Долой социал-демократов	1 —
Браун, Лилли. Роман моей жизни, т. I	30 —
Ее-же. Роман моей жизни, т. II.	30 —
Брусянин. В борьбе за труд	3 —
Бухарин. Программа коммунистов. 1-е, 2-е и 3-е изд.	1 75
Его-же. Долой международных разбойников. Разошлось	— 40
Его-же. Классовая борьба и революция в России	1 80
Быстрянский. Империализм	— 35
,, Армия империализма и армия революции. Война империалистическая и война революционная	2 —
Его-же. Империалистическая Англия против социалистической России	— 40
Его-же. Рабоче-крестьянская революция в России в оценке буржуазной публицистики	2 —
Вандервельде. Социализм и искусство	— 90
Ватин. Что такое коммуна? 1-е и 2-е изд.	— 20
Вейтлинг. Человечество, каково оно есть и каким должно быть	— 85
Величкина, В. Борец за свободу Вильгельм Вейтлинг	1 —
Венок коммунаров. Сборник памяти В. Володарского с рисунками	4 —
В-ик, Л. Уголок немецкой оккупации	— 50
Войнич, В. Овод. Роман. Перевод с англ. З. Венгеровой	4 50
Володарский, В. Напутственная речь агитаторам. 3-е изд.	— 50
Его-же. Речи	15 —
*** Враги ли евреи рабочим и крестьянам? 1-е и 2-е изд.	— 40
Волховский. Сказание о царе Симеоне	1 25
Гауптман. Ткачи. Драма.	3 —
Геккель, Э. Происхождение человека	3 —
Геррон, Г. От революции к революции	1 20

Г. ЗИНОВЬЕВ

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ В ГЕРМАНИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ※ 1920

Р. В. Ц., г. Петербург.

Гиз. № 508. Отпечатано 60.000 экз.

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ В ГЕРМАНИИ.

... Итак, я еду в Германию.

Первый вопрос, который невольно возникает у всех нас, это вопрос о том, как это случилось, что германское правительство дало мне разрешение на въезд? Высказываются различные предположения. Товарищи, наиболее прикосновенные к «дипломатическим» сферам, предполагают, что это объясняется желанием германского правительства сделать шаг навстречу к сближению с Советской Россией. Более реалистически настроенные товарищи, прикосновенные к В. Ч. К., высказывают предположение, что германские белогвардейцы просто-напросто хотят заманить меня в Германию и там, придравшись к тому, что в моей речи я, несомненно, совершу какое-нибудь «преступление» против германских законов, на территории Германии арестовать меня. Третьи товарищи находят, что меня впускают в Германию, главным образом, потому, что буржуазия хочет раскола Независимой Партии Германии и надеется, что мой приезд этот раскол ускорит. Четвертые товарищи полагают, что решение германского прави-

тельства принято в результате всех вышеприведенных соображений, вместе взятых...

Но как бы то ни было—я еду.

Теперь после того, что я видел и слышал в Германии, я убежден, что решение германского правительства пустить меня на десять дней в Германию продиктовано было двумя мотивами.

Первый и основной мотив: положение правых вождей германской Независимой Партии. Эти правые вожди, в сущности говоря, находятся уже сейчас на самой дружественной ноге с наиболее дальновидной частью германской буржуазии. Все эти Гильфердинги, Дитманы, Мозессы, Дисманы, Коны и К° уже давно «вхожи» в наиболее влиятельные правительственные («социалистические» и «демократические») круги.

Германская буржуазия и господа шейдемановцы превосходно знают, что правое крыло Независимых является их союзниками, их резервом, их ближайшей надеждой. Вожаки германской буржуазии и шейдемановцев несомненно хотели избегнуть всего того, что могло бы затруднить и без того нелегкую позицию этих правых вождей Независимых на предстоявшем партейтаге в Галле. А дело обстояло так, что если бы мне запретили въезд в Германию, то при создавшемся положении вещей это, несомненно, затруднило бы позицию правых вождей.

В самом деле, как обстояло дело? На съезде в Галле должен был обсуждаться единственный вопрос: вопрос о присоединении Независимой Партии к III Интернационалу. Не допустить представителя III Интернационала при обсуждении именно этого вопроса, означало бы показать всем сразу, что бур-

жуазия и шейдемановцы, от которых зависело решение о моем въезде, поддерживают тех, кто не хочет вступления Независимых в III Интернационал. Русскому меньшевику Мартову и французскому представителю «центра» Лонге, которые ехали в Галле на выручку правых вождей, разрешение на въезд было дано. Если бы представителю III Интернационала в разрешении было отказано, то нашим сторонникам достаточно было указать на это пальцем, и всем было бы ясно, что буржуазия и шейдемановцы открыто поддерживают правых вождей Независимых против левых. Это было слишком невыгодно для Гильфердинга и К°. Приходилось выбирать «меньшее из зол».

Вторым мотивом, несомненно, было то, что, действительно, часть буржуазии—наиболее глупая—считала, что раскол Независимой Партии лежит в ее интересах. Это та часть буржуазии, которая заучила элементарную мыслишку, что ежели какая-либо рабочая партия раскалывается, то это *всегда* выгодно для буржуазии. Так думала та часть буржуазии, для которой слишком головоломна мысль, что бывают расколы и расколы, и что освобождение рабочей партии от правых и межеумочных элементов может пойти на пользу революции, а не контрреволюции. А хитрые Улиссы шейдемановской партии, которые, зная дело, были уверены, что раскол все равно неминуем, стояли за разрешение на въезд представителю III Интернационала еще с той целью, чтобы потом в глазах мещански и национально настроенных рабочих взвалить вину за раскол на «Москву».

Такова была комбинация сил в буржуазных и социал-демократических верхах, которая привела к тому, что разрешение мною было получено.

... Наскоро собираюсь и в час ночи с 8 на 9 октября выезжаю в Ревель. В Ревеле остаюсь всего несколько часов. Сажусь на эстонский пароход «Ваза». Это небольшой товаро-пассажирский пароход. Он берет обыкновенно только 25—30 пассажиров. На этот раз ему приходится взять на борт не меньше 75 человек. Большинство новых пассажиров садится на пароход неожиданно для капитана уже в последние несколько часов. Этим неожиданным наплывом пассажиров капитан обязан мне.

Откуда вдруг такой внезапный наплыв пассажиров?

Ларчик открывается очень просто. Это—шпионы всех стран и наций. У города Ревеля отсутствуют абсолютно какие бы то ни было предпосылки для того, чтобы стать крупным международным центром, но центром интернационального шпионажа он все-таки удостоился стать. В Ревеле на улице трудно плюнуть, чтобы не попасть в контр-разведчика. Контр-разведчик на контр-разведчике ездит и контр-разведчиком погоняет. Все «великие» и не столь «великие» державы мира имеют в Ревеле дюжину-другую шпиков. И вот можно себе представить, какая сенсация вызвана была у всех этих господ, когда они внезапно узнали о том, что я еду через Ревель, сажусь на пароход и отправляюсь в Германию!

Осведомленные товарищи передавали мне, что эта неожиданная весть вызвала необычайное волнение умов среди шпионов всех стран. Каждая контр-разведка строила свою почти научную гипотезу по вопросу о том, зачем я еду, почему меня впустили и т. д. и т. п. При этом каждая контр-разведка делала вид, что она имеет самые достоверные сведения, которых ни в коем случае не удастся

получить контр-разведке конкурирующей страны. В результате, как мухи на кусок сахара, все эти почтенные джентльмены бросились на наш пароход. Картина получилась необычайно живописная. Со мной ехал болгарский товарищ Шаблин и петроградский товарищ Ионов. Кроме нас троих на этом же пароходе в Германию, в Чехо-Словакию и Австрию отправлялись пять человек различных советских дипломатических курьеров. Всех нас русских было, таким образом, восемь человек. Шпионов же по меньшей мере—40. Круглым счетом по пять на одного коммуниста! Здесь были шпионы английские, французские, немецкие, латышские, эстонские, австрийские, чехо-словацкие и много, много других. Настоящий, с позволения сказать, «интернационал» шпиков. На пароходе никуда нельзя было носу показать без того, чтобы не быть окруженными спереди, сзади, справа и слева этими почтенными джентльменами. Здесь были представлены все ранги и состояния. Нарядные дамы, английские франты, господа, переодетые «под рабочих», и т. д. Нам не доставляло ни малейшего удовольствия слишком часто встречаться с этими джентльменами, проплеванные физиономии которых отнюдь не ласкали взора. Но нельзя было буквально повернуться, чтобы не наткнуться на них. В свободное от других занятий время эти господа играли в карты, причем, как водится, дело доходило до порядочных скандалов. Так как слежка за нами не могла занять всего свободного времени этих господ, то они сверх того следили... друг за другом. Получалась презабавная картина.

Под таким надежным конвоем прибыли мы через два с половиной дня в Штеттин...

В Штеттине нас встречают немецкие товарищи: председатель союза моряков анархист-коммунист, товарищи из коммунистической партии Германии и товарищ Курт Гейер, один из виднейших работников левого крыла Независимой Партии. Первый вопрос, который мы задаем товарищу Курту Гейеру:—кто в большинстве на съезде, мы или они, левые или правые?—Большинство за нами,—говорит товарищ Гейер,—и наша фракция тверда, как скала. Это известие сразу настраивает нас на самый радужный лад.

Штеттинские рабочие и моряки осведомлены о нашем приезде. Все они хотели участвовать во встрече. Но руководящие товарищи отклонили это, справедливо считая, что не надо затруднять себе с самого начала пребывание в Германии. Рядом с пришедшими встречать нас товарищами моряками стоит группа откормленных, холеных буржуа. Наши товарищи шепчут нам: это вожаки так называемой организации «Оргеш» (организация белогвардейцев, руководимая черносотенными генералами и офицерами, которая в некоторых частях Германии наводит трепет на все население. Организатор этой шайки — полковник Эшерих. Отсюда — Орг-Эш, в просторечии—«Оргеш»). Эти господа также пришли нас «встречать». Вторую группу представителей этой

почтенной организации, состоящей из нескольких молодых людей такой же... неприятной наружности, мы встречаем на лестнице отеля, куда мы приехали на пару часов в ожидании ближайшего поезда.

Через несколько часов мы сидим в поезде, который идет на Берлин. Товарищ Гейер предусмотрительно захватил с собой все литературные новинки последних дней. По ним мы можем судить, насколько обострилась борьба левых Независимых с правыми и до каких низостей упали правые вожди Независимых. Сопровождавшие нас немецкие товарищи очень обеспокоены вопросом о нашей безопасности. Они уверяют, что «оргеши» и «носкиты» (так называются головорезы господина Носке в Германии), несомненно, выкинут какую-нибудь штуку против нас.

В Берлине в это время уже несколько дней буржуазные газеты не выходят: стачка рабочих. Выходит только коммунистическая и так называемая «социалистическая» печать. «Форвертс» и «Фрейхейт» встречают нас со скрежетом зубовным. В ту же ночь 12 октября около 12 часов мы—в Галле. Здесь нас встречает товарищ Леви и несколько других работников Коммунистической Партии Германии, а также седой Адольф Гофман, Деймиг, Кённен и другие руководители левого крыла Независимых.

Часа в два ночи мы устраиваем короткое предварительное совещание. Намечаем план действия. Главное, чего нам надо добиться, это заставить правых Независимых принять *принципиальный* бой, заставить их принять участие в *политической* дискуссии.

Дело в том, что по своем возвращении из Москвы Криспин, Дитман и К° сразу же перевели в Германии весь спор исключительно на *организационные* рельсы.—«Мы за III Интернационал», божились они на всех перекрестках. «У нас почти нет никаких расхождений с III Интернационалом. Мы только требуем большей самостоятельности для нашей партии. Мы не желаем лишиться совершенно всякой автономии. Мы были согласны на 18 условий, выработанных в Москве, мы только против того, что эти условия большевиками в последнюю минуту были еще заострены: прибавили три новых условия. Мы *хотим* принадлежать к III Интернационалу, но мы отвергаем диктатуру Москвы».

Таков был лейт-мотив всех речей правых Независимых.

Почему хитроумные вожди правых Независимых перевели весь спор на *эту* почву? Ответ ясен: они *не могут* принять *принципиального* боя с Коммунистическим Интернационалом. Громадное большинство германских рабочих на стороне русской революции, на стороне советской власти, на стороне Коммунистического Интернационала. Сказать рабочим прямо, что они против Советской России, против диктатуры пролетариата, против программы Коммунистического Интернационала—означает потерять почти всех сторонников из среды рабочих. Это хорошо понимают правые вожди Независимых. Им оставалось сыграть только на одном: на организационном вопросе. Зато в этой области правые не пожалели красок. Они старались разжечь самые низменные, националистические инстинкты рабочих.

Они не побрезговали апеллировать к тем чувствам, которые сыграли такую роковую роль в начале империалистической войны. Газеты правых Независимых в эти дни пестрели заглавиями вроде: «Московский кнут», «Деспоты из Москвы», «Московская диктатура» и т. д. Не хватало только московских «казаков».

Если правым Независимым удалось собрать все же довольно значительное меньшинство на съезде, то это только потому, что они в предсъездовской дискуссии уклонились от принципиального спора и даже прямо всюду заявляли о своем принципиальном согласии с III Интернационалом, переведя весь спор на знаменитые 21 условие, которые они толковали вкривь и вкось, извращая их самым циничным образом.

Все, абсолютно все человечески возможное было сделано вождями правых Независимых, чтобы затушевать действительный смысл того принципиального спора, который происходит между коммунистами и правыми Независимыми. Вожди правых Независимых как бы составили специальный заговор для того, чтобы во что бы то ни стало утаить правду от рабочих. Обман рабочих происходит по всем правилам искусства.

Когда я присматривался к искусной, шуллерской игре, какую вели вожди правых Независимых на съезде для того, чтобы скрыть от рабочих действительный смысл расхождения, я все время вспоминал книгу Носке.

Читатель, знакомы ли вы с книгой Носке, которая носит название: «От Киля до Каппа»? Если нет, настоятельно советую вам прочитать эту книгу. Это—замечательная книга. Это книга типичного

представителя рабочей бюрократии, вознесенного буржуазией к вершинам власти, превратившегося в открытого палача рабочего класса и всем ходом вещей доведенного до того, что он должен теперь поставить все самые жирные точки над i.

Носке начинает с рассказа о том, как встретила его в Киле 20-ти тысячная масса революционных матросов в первый день ноябрьской революции в Германии. Интересная картина! Громадные массы революционных матросов и рабочих в первый момент революции видят в Носке, в его партии своих вождей. На кильском вокзале эта 20-ти тысячная масса в буквальном смысле слова носит на руках господина Носке. Так и видишь перед собой знакомые картины первых месяцев нашей мартовской революции, когда контр-революционного болтуна и шарлатана Керенского рабочие и солдатские массы тоже в буквальном смысле слова носили на руках. Душа просыпающихся в революционные дни народных масс напоминает душу ребенка. Она как бы из воска. И, увы, на первых порах каждый ловкий шарлатан может лепить из нее, что угодно.

Но самое замечательное в книге Носке это то, что из нее получаешь наглядное представление о том, как социал-демократическая партия с первого момента революции организовала измену революции. С достохвальной откровенностью и деловитостью, со всеми подробностями, с указанием дат, фактов и документов Носке откровенно повествует нам о том, как он и его партия предавали рабочий класс Германии. Это предательство было организовано, можно сказать, *научно*. Контр-революционная роль германской социал-демократии и ее вождей вырисовывается

из книги Носке с наибольшей яркостью и выпуклостью.

Нечто подобное теперь проделывают правые Независимые и их вожди. Разделение труда среди этих правых вождей Независимых доведено до тонкости. Надувательство рабочих и здесь организуется на «научных» основаниях. Собрание этих правых вождей Независимых должно живо напомнить авгуров, которые без смеха не могут смотреть друг другу в лицо.

Когда-нибудь «независимый» Носке (какой-нибудь Дисман) опишет откровенно, как обманывали правые вожди свою фракцию в Галле!

Бедные обманутые рабочие! Когда же, когда, наконец, наступит тот день, когда все рабочие раскусят этих предателей—«вождей»?! Когда, наконец, дождемся мы того времени, что разные Криспины, Гильфердинги, Дитманы и другие обманщики не смогут больше сколачивать себе в течение нескольких недель целую партию путем простого и систематического обмана рабочих!..

Итак, мы стоим перед «научно» организованным обманом германских рабочих их правыми вождями.

При таком положении вещей нашей задачей было—*во что бы то ни стало* добиться дискуссии хотя бы на самом партейтаге именно по основным принципиальным вопросам—программа и тактика III Интернационала. С двух слов мы сошлись в этом отношении с вождями левых Независимых. Программа была намечена. На завтра в 9 часов мы были на поле битвы, в зале заседания конгресса.

В начале съезда левые имели большинство человек в 50. К концу съезда, к основному голосованию это большинство выросло до 80 с лишним, и главная резолюция о принятии 21 условия присоединения к III Интернационалу собрала уже почти $^2/_3$ голосов на съезде.

Правые вожди, как известно, чрезвычайно торопились со съездом, несмотря на все протесты левой, а также Исполнительного Комитета III Интернационала. Дельцы правого крыла поторопились собрать экстренный съезд в течение каких-нибудь 4—5 недель. Их расчет был построен на том, чтобы застать врасплох германских рабочих. Громадное большинство газет и весь партийный аппарат находились в руках правых. Из пятидесяти ежедневных органов правые открыли неслыханную кампанию лжи и клеветы против «Москвы», против III Интернационала, против своих собственных товарищей из левой. Особенно усердствовала газета «Фрейхейт», редактируемая господином Гильфердингом. Когда мы уже в Москве указывали Криспину и Дитману на то, что «Фрейхейт» является органом каутскианским, контр-революционным, Криспин и Дитман, умывая руки, всегда говорили: — но это не центральный орган партии, партия в целом за «Фрейхейт» не отвечает; это орган «вашей» берлинской левой организации. Если берлинцы не умеют поставить такой

газеты, которая удовлетворяла бы вас, это не наша вина, а вина берлинцев.

Насколько лицемерна была эта аргументация, видно из следующего: берлинская организация в своем громадном большинстве оказалась на стороне левых; берлинская организация по всем правилам устава выразила недоверие Гильфердингу и потребовала передачи газеты в руки новой редакции. Но «демократ» Гильфердинг и все его друзья, известные и горячие сторонники «народовластия», разумеется, наплевать хотели на решение берлинской организации. Они проделали то же самое, что проделал Шейдеман в 1915 году по отношению к «Форвертсу». Они *украли* газету у берлинских рабочих, опираясь на буржуазный суд и полицию, которые, конечно, на стороне правых против левых.

Однако, несмотря на все эти махинации правого крыла, несмотря на клеветническую канонаду в печати и краткий срок, который имели в своем распоряжении левые для ориентации рабочих, большинство оказалось на нашей стороне. Если при таких обстоятельствах коммунистические элементы, т.-е. левые Независимые, имели на съезде около $^2/_3$, то совершенно ясно, что среди рядовых членов партии, среди рабочих, левая имеет на своей стороне не менее $^9/_{10}$. Ближайшие недели и месяцы не преминут это доказать...

Итак, мы на поле битвы. Зал заседания резко разделился пополам: как будто острым ножом разрезали. В одном зале сидят *две* партии. Отношения между правыми и левыми чрезвычайно обострились в ходе предсъездовской дискуссии, и на самом съезде мы имели перед собой уже непримиримых врагов.

На председательской трибуне два председателя—представитель левой, рабочий Брасс, представитель правой не кто иной как... Дитман—тот самый г. Дитман, который выступил грязным клеветником против Советской России и удостоился перепечатки своих инсинуаций против России на страницах пресловутой антибольшевистской Лиги. С недоумением спрашиваем мы наших левых товарищей, как могли они, имея большинство на съезде, допустить в председатели такого негодяя, как Дитман. Левые объясняют:—правые вожди все время придираются к пустым формальностям, они ищут малейшего повода, чтобы уйти со съезда, не допустить до принципиальной дискуссии, дабы тем смешать карты. Мы решили во всем второстепенном уступать им, дабы добиться полной ясности и создать такое положение вещей, при котором каждый рабочий будет видеть, на чьей стороне большинство и кто раскалывает партию.

С этой целью левые согласились на то, чтобы и мандатная комиссия и президиум были составлены на паритетных началах. С этой же целью левые согласились даже на такую одиозную кандидатуру, как кандидатура Дитмана.—Он представляет не весь съезд, не нас, говорили левые товарищи, он представляет в президиуме только правое крыло. Если это правое крыло не смогло выдвинуть из своей среды никого более достойного, чем Дитман, тем хуже для этого правого крыла...

Садимся рядом с тов. Адольфом Гофманом и другими руководителями левой части съезда. Вглядываемся и постепенно знакомимся с личным составом обеих частей съезда. Какая знакомая картина!

Совершенно то же самое, что мы видели лет 10 тому назад и раньше на наших общих съездах с меньшевиками. На одной стороне—только *рабочая* публика, на другой—громадное преобладание интеллигенции.

Вглядываемся хорошенько в левое крыло. В передних рядах пара небольших столиков, где сидят руководители. Среди этих последних еще попадаются один-другой интеллигент, вся остальная масса, 99/100 левого крыла, сплошь рабочие, самые настоящие коренные пролетарии, многие из которых и сейчас заняты на фабриках и заводах. А посмотрите на состав правого крыла! Несколько десятков рабочих найдется и там. Но это преимущественно рабочие—«функционеры» (чиновники), все же ядро фракции, все руководители, все это сплошь—парламентарии, редакторы, журналисты, адвокаты, врачи и т. д. Есть и парочка-другая крупных банковских чиновников и воротил. Совершенно другой социальный состав, совершенно другой облик, совершенно иной тон, иной ритм, иное настроение. Так называемый «цвет» партийного чиновничества и интеллигентщины, несомненно, на стороне правых. Совершенно то же самое, что видели мы в нашей партии в те времена, когда наши меньшевики еще не осчастливили нас своим отсутствием...

Познакомимся поближе с главными фигурами правого крыла съезда, вглядимся тщательнее в черты этих правых вождей. Это даст нам ключ к пониманию всего остального.

Главным идейным и теоретическим вдохновителем правого крыла, несомненно, является *Рудольф Гильфердинг*. Наружность «почтенного» биржевого маклера или средней руки банкира. Он «вхож» и к представителям английской дипломатической миссии в Берлине, и в модные политические салоны высокопоставленных дам, и в банковские сферы. Он никогда не бывает на массовых рабочих собраниях и изредка выступает только на собраниях профессиональных чиновников и на съездах. В революцию он не верит: он, слава Богу, не «романтик». Да он вообще не верит ни во что. Это написано не только на его лице, но на каждой складке его сюртука. Он—скептик насквозь, он убежден, что кульминационный пункт революционного движения остался уже позади и что сейчас Германия и вся Европа переживают уже последние судороги улегающегося революционного потрясения. То, что было до сих пор, для него, как в свое время для наших к.-д. и меньшевиков, является «безумием стихии». Его разговор с английским дипломатом, его интрига с каким-нибудь «левым» шейдемановцем в его глазах являются несравненно большим «фактором прогресса», чем какое-то там движение сотен тысяч безработных в Германии, или назревающее восстание народов востока. С высоты своего самодовольного «ученого» величия господин Гильфердинг надменно изде-

вается над всеми, кто не является таким государственно мудрым, как он, Гильфердинг. На общепартийной конференции Независимых, которая была недели три тому назад в Берлине, сей ученый муж с неподражаемым тупоумием и напыщенной мещанской спесью говорил о «муллах из Хивы», которые отнюдь не являются такими учеными марксистами, как он, Гильфердинг, и которых «демагоги»—большевики притягивают к Коммунистическому Интернационалу. Под «муллами из Хивы» ученый господин Гильфердинг понимает бакинский съезд народов востока и все вообще движение угнетенных национальностей. Это движение господин Гильфердинг и с его легкой руки все остальные правые Независимцы третируют как движение «не-марксистское», не серьезное и совершенно недостойное внимания таких просвещенных деятелей, как Криспин и Дитман. У Гильфердинга есть в избытке то же беззубое старческое доктринерство, которым отличается его учитель Каутский времен своего декаданса. Но Каутский по-своему «честный» оппортунист, а у его достойного ученика Гильфердинга, рядом с ученым педантством, вы встречаете черты резко выраженных маклерских плутней. В своей борьбе против пролетарской революции Каутский ищет вдохновения все-таки преимущественно в книгах. Его ученик Гильфердинг не прочь найти это вдохновение также в передней английских дипломатов, в кабинете директора того или другого банка, а если понадобится, то и в еще более... ароматных местах.

Весь идейный багаж правого крыла Независимых, несомненно, заимствован им именно у Каутского. Затхлым каутскианством несет от всех решительно

построений ораторов правого крыла. Но эти ораторы все же стараются не вспоминать о Каутском. Хамское отношение к своему идейному родоначальнику, Каутскому, боязнь при людях «родными счесться» с тем, кто является фактическим и духовным вождем всей фракции правых Независимых, как нельзя более характеризует эту трусливую во всех отношениях фракцию. Гильфердинг является как бы суррогатом Каутского, его эрзацом (эрзац очень в ходу теперь в Германии). Плутоватый Гильфердинг все-таки более приемлем, как идейный «вождь», чем аляповатый, откровенный Каутский. Знакомство с банкирами, ловкими биржевыми маклерами все-таки дало Гильфердингу больше увертливости, чем это есть у его маэстро Каутского. Он легче увильнет от ответа на трудные вопросы. Он сумеет держать язык за зубами там, где Каутский откровенно понесет контр-революционную пошлятину. Он сумеет, если понадобится, выжать из себя две-три трафаретных, казенно-«революционных» фразы. Он всегда сумеет подладиться к практическим заправилам фракции правых Независимых, вроде Дисмана и К°. Одним словом, он удобен и портативен, эластичен и мудр. Для него нет ни одного принципа, которому он затруднился бы изменить с одного дня на другой. Когда нужно, он для «учености» приводит несколько цитат из Маркса и Энгельса. Короче говоря, он тот «идейный» вождь, который нужен фракции правых Независимых. Ему как раз по плечу задача руководить этим сборищем мещан и чиновников. Ему вполне по росту быть «понтифексом», высшим жрецом и пророком этой фракции шейдемановцев второго разряда...

Гильфердинг выступил главным оппонентом против меня. Его речь длилась часа три.

Свою речь против нас Гильфердинг начал со следующего трюка. На трибуне, где заседал президиум партейтага, стоял большой плакат. На одной стороне этого плаката по-немецки было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На другой стороне было по-немецки же написано: «Германским рабочим от Петроградской Трудовой Коммуны». Не могу сказать точно, каким образом знамя с этой надписью попало в Галле. Повидимому, его туда привезли немецкие делегаты еще после I-го Конгресса Коммунистического Интернационала.

В первый день съезда этот плакат был обращен к слушателям той стороной, на которой было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В день моей речи кто-то, не знаю, случайно или нет, повернул этот плакат второй его стороной. И господин Гильфердинг счел уместным начать с целой филиппики по этому поводу.

— Это символ, говорил он. Это крайне показательно, что на сцене появилась Петроградская Трудовая Коммуна!..

Господин Гильфердинг, однако, обжегся на этом месте. Громадное большинство съезда, которое раньше совершенно не обратило внимания на эту надпись, теперь, благодаря любезному содействию господина Гильфердинга, обратило внимание на подчеркнутые слова и устроило сверхкомплектную овацию Петроградской Трудовой Коммуне.

Крайне характерна была вся вступительная часть речи Гильфердинга, в которой он говорил о «Schmutzkonkurrenz», т.-е. о «грязной конкуренции», кото-

рую якобы делают левые Независимые вожди правым Независимым вождям. Смысл упрека был такой: ведь вы, вожди левых Независимых, сами принадлежите к той же касте, что и мы, правые вожди. Ваша профессия такая же, как и наша. Вы одинаково вожди, как и мы. Для того, чтобы потрафить массам, вы сейчас прибегаете к более левому лозунгу, чем мы. Но это есть с вашей стороны не больше, как грязная конкуренция. Вы хотите таким образом отбить у нас хлеб, потворствуя инстинктам масс. Но вы будете за это наказаны, грозно прибавил Гильфердинг: завтра массам и ваши лозунги уже покажутся недостаточно левыми, синдикалисты и анархисты составят *вам* грязную конкуренцию, и массы перейдут на сторону этих более левых вождей.

Крайне типичная для Гильфердинга психология мелкого лавочника, который на все смотрит глазами человека, боящегося конкуренции. Он даже и термин взял чисто коммерческий. Вся идейная борьба, раздирающая рабочее движение, для него исчерпывается понятием *конкуренции между вождями*. Эта мелкая душонка ничем, кроме низменных мотивов конкуренции, не может объяснить тот идейный спор, который происходит сейчас в рядах германского рабочего движения.

Если идейным пророком правых Независимых является Рудольф Гильфердинг, то *практическим* вождем этой фракции является господин *Дисман.* Именно Дисман, а не Дитман. Этот Дисман является в настоящее время председателем всегерманского союза металлистов. Еще сравнительно недавно он был в рядах тех, кто делал оппозицию Легину. Он и теперь не прочь на словах пофрондировать против Легина, этого главного атамана всей шайки контр-революционных профессиональных чиновников Германии. Но на деле он уже сейчас—правая рука Легина. Он—восходящая звезда и надежда всей контр-революционной профессиональной бюрократии Германии. Легин уже слишком стар. Его звезда уже на закате. Нужен кто-то поэнергичнее, понастойчивее, помоложе, и Дисман—подходящий для этого человек. То обстоятельство, что он еще недавно изображал из себя «левого», только улучшает его шансы. Он менее скомпрометирован в глазах широких слоев рабочих, чем другие, он более подходящий человек.

Сам Дисман всеми фибрами своей души предчувствует свой жребий: заменить в свое время Легина и стать самому таким же Легином. Он ждет этого момента, ему невтерпеж, он рад бы все отдать, чтобы приблизить этот желанный час. Он рвется навстречу этой счастливой минуте. Все остальное для него подчинено этому «идеалу», и он готов всеми

средствами устранить со своего пути все то, что мешает ему скорее притти к заветной цели. Он с досадой, смешанной с негодованием, смотрит на всех тех, кто не понимает той простой истины, что он, Дисман, отмечен божественным перстом и самой судьбою предназначен для того, чтобы стать новым Легином...

Во фракции правых на съезде решающую роль сыграла группа профессионалистов, которая насчитывала человек 80 делегатов, около половины всей фракции. А в этой группе профессионалистов, несомненно, главную роль сыграл Дисман. Интеллигентские вожди, вроде Гильфердинга и Ледебура, в поисках за какой бы то ни было «массовой» опорой, обращают свои взоры именно к профессиональным союзам. И там они не находят никого другого, кроме той группы, которою руководит Дисман. Чтобы получить поддержку этой группы, интеллигентские вожди вынуждены делать все то, чего хочет левая нога этих профессионалистов. На съезде это прямо бросалось в глаза.

Вопрос об отношении к профессиональным союзам и особенно вопрос об отношении к так называемому Интернационалу профессиональных союзов в Амстердаме сыграл важнейшую роль в спорах на партейтаге в Галле. Как известно, II Конгресс Коммунистического Интернационала одним из условий приема в Коммунистический Интернационал поставил борьбу с желтыми вождями, стоящими во главе этого Амстердамского «Интернационала» профессиональных союзов. *В Москве ни Дитман, ни Криспин ни слова не сказали против этого.* Они понимали, что защищать вождей Амстердамского

«Интернационала» профессиональных союзов, значит компрометировать себя. Они великолепно знали, что во главе Амстердамского объединения стоят такие заведомо желтые социал-предатели, как Легин, Жуо, Гомперс и т. д. Они, повторяю, ни слова не сказали в Москве в защиту желтого Амстердамского Интернационала. Совсем иная картина получилась на партейтаге в Галле. В проекте резолюции, составленной фракцией правых, защита Амстердама является центральным местом. Два раза упомянутая резолюция возвращается к Амстердаму и оба раза с особой горячностью защищает этот «Интернационал» против Москвы. Таков пароль правых Независимых на съезде в Галле.

В этом отношении крайне интересно, как реагировала вся правая на выступление тов. Лозовского. Тов. Лозовский говорил, преимущественно, как работник профессиональных союзов. Он посвятил свою речь, главным образом, вопросу об Амстердамском «Интернационале». Речь его была построена прекрасно. Тов. Лозовский самым спокойным образом излагал только факты, факты и факты. И чем больше простых фактов приводил оратор, тем более бешеными становились Дисман и К°. В конце-концов эта банда не удержалась и устроила оратору страшный скандал, продолжавшийся около двух часов. Дисман и К° утверждали, будто тов. Лозовский оскорбил их.

После долгих пререканий собрание было прервано, и компетентная комиссия от обеих сторон пошла «изучать стенограмму» речи Лозовского для того, чтобы установить, было ли в ней что-нибудь оскорбительное. И даже правые вынуждены были

признать, что ничего оскорбительного в речи не было. Дисману и его приятелям оставалось только заявить, что не в выражениях оратора, а «во всей тенденции» его речи было нечто такое, что оскорбляло германские профессиональные союзы.

Почему так болезненно реагировали правые на то, что говорил тов. Лозовский? Да именно потому, что, сообщая *простые факты* о деятельности пресловутого Амстердамского «Интернационала», тов. Лозовский открывал глаза даже тем рабочим, которые сидели еще на правой стороне. Правые вожди чувствовали, что почва полностью уйдет из-под их ног, как только рабочие узнают правду об Амстердаме.

Все вожди правых Независимых, в особенности Гильфердинг и Криспин, вдруг стали «знатоками» профессионального движения и восторженными поклонниками Амстердама.

Откуда сие? Почему вдруг вожди фракции правых Независимых стали такими горячими защитниками Амстердама? Более дальновидные из них сознают, конечно, что они защищают безнадежное дело и что в дальнейшем эта защита повредит им же. Ведь фракция правых Независимых на всех перекрестках кричала, что желает принадлежать к Коммунистическому Интернационалу. А кто же не знает, что Амстердамское объединение есть не третий Интернационал, а кусок *второго* Интернационала? Ведь теперь на каждом рабочем собрании вождям правых Независимых начнут бросать в лицо, что они защищают Легина, Жуо, Гомперса и т. д., т.-е. открытых социал-предателей. Почему же на это пошли вожди правых Независимых? Именно потому,

что никакой другой массовой опоры, кроме группы профессионалистов, руководимых Дисманом, у правых вождей нет и не может быть. А Дисман и К⁰, как Шейлоки, требовали фунта мяса. Хотите, чтобы мы голосовали за вас, так распишитесь дважды и притом торжественно и всенародно перед всем съездом и перед всем миром, что вы стоите за Амстердам, т.-е. за Легина, Жуо и К⁰. Если Гильфердинг, Ледебур и К⁰ должны были пойти на такую самокомпрометацию, то это, конечно, «не от хорошей жизни». Это значит, что иначе они уж совершенно остались бы генералами без армии.

Правые вожди профессиональных союзов Германии являются главной опорой буржуазной контрреволюции. Это теперь яснее, чем когда бы то ни было. И одним из самых махровых представителей этих реакционеров, несомненно, является Дисман. Он не краснобай, а, как все реакционеры, «человек дела»—по выражению Лассаля. На съезде он сорганизовал группу самых непримиримых, которые с первого же момента хотели просто сорвать съезд, не допустить ни до какой принципиальной дискуссии. Группа Дисмана пользовалась всяким подходящим и неподходящим случаем, чтобы поднимать неслыханный скандал, хвататься за стулья, бросать неслыханные оскорбления по адресу левых и т. д.

— У Дисмана есть что-то от Носке,—говорили мне не раз наши левые товарищи, хорошо знающие личность Дисмана. И действительно, кто наблюдал бешеную злобу этого мещанина, кто видел, с какой ненавистью этот бюрократ смотрел на всю левую сторону, кто наблюдал за мелкими мошенническими проделками этого господина на съезде, тот должен

будет признать, что это замечание не лишено правильности. Дисман первоначально завоевал себе положение в профессиональном движении, как представитель левых. Но как только он занял ту должность, которую он хотел занять, он сейчас же повел внутри профессионального движения ту же политику, которую вели правые. Все рабочие видят теперь, что это была не смена направления, а лишь смена лиц. На недавнем съезде фабрично-заводских комитетов Дисман фактически делал то, что нужно было Легину. Дисман—тип «подгонялы», «кнута». Несомненно, что в партии правых Независимых Дисман будет фактическим хозяином. Он будет там класть ноги на стол и он заставит Ледебура и Гильфердинга плясать под его дудочку. Если буржуазии и шейдемановцам понадобится новый палач рабочего класса, если они решат, что вместо Носке нужен человек, носящий другую фамилию, можно наверняка сказать, что в числе первых кандидатов буржуазия и шейдемановцы остановятся на Дисмане. И можно столь же уверенно предсказать, что если буржуазия и шейдемановцы когда-либо вверят большую власть Дисману, то он постарается оправдать надежды капиталистов: он окажется верным приказчиком буржуазии, таким же бешеным, разъяренным цепным псом буржуазного общества, каким был Носке.

Следующая по влиянию в правой фракции роль принадлежит *Дитману*. Это — типичный представитель той сравнительно малочисленной, но архизловредной контр-революционной касты, которая зовется рабочей аристократией. Маркс в свое время зло издевался над некоторыми представителями английской рабочей аристократии, которые гораздо больше дорожат тем, что могут позавтракать у лорд-мэра, чем тем, чтобы их собственный класс оказывал им доверие. Дитман принадлежит именно к числу таких персонажей. Он во всем старается быть столь же «респектабельным», каким являются представители «лучшего» общества. Он владеет «хорошими манерами» не хуже, чем любой другой член президиума германского рейхстага. Он умеет одеваться нисколько не хуже, чем любой «настоящий» парламентарий из кругов буржуазии, и для него, как для парвеню, является предметом особой гордости, что он — знаток самого хорошего тона, что он «изящен» и галантен в обращении. Чтобы доказать, что и он не лыком шит и нисколько не хуже «настоящих» людей, Дитман обзавелся даже... верх франтовства!.. карманным зеркальцем и соответствующим туалетным гребешком, к которому он прибегает перед каждым выступлением, дабы не ударить лицом в грязь. Он прошел довольно длинный путь. Когда он был моложе, он отдал дань «увлечениям» и одно

время числился в левых. Я вспоминаю, что, когда мне довелось быть на партейтаге в Йене в 1910 году, покойная Роза Люксембург впервые познакомила меня с Дитманом, указав на него, как на одного из своих учеников. Правда, Дитман на том же самом партейтаге раза два предал свою учительницу. Но, тем не менее, он тогда, действительно, не прочь был разыграть роль левого. Пока старая социал-демократия была едина и сильна, Дитман покорно работал в ее рядах, надеясь горбом заработать себе положение в партии. В начале империалистской войны Дитман покорно голосовал за военные кредиты и перешел на сторону Независимых лишь тогда, когда стало ясно, что старая социал-демократия начинает терять своих избирателей. Перед революцией Дитман попал в тюрьму — тогда в Германии хватали правого и виноватого. Это увеличило его популярность у рабочих. Когда пришла революция, Дитман один из первых «социалистов» пролез в «революционное» правительство и один из последних ушел из него, крайне неохотно расставшись с портфелем. По приезде в Москву на II Конгресс Коммунистического Интернационала Дитман настолько неприятно лебезил перед каждым из нас, что становилось прямо неловко за этого господина. До тех пор, пока ему казалось, что мы не поставим вопрос ребром, что ему и его друзьям удастся пробраться в III Интернационал, Дитман был настолько сладок, что иногда начинало прямо тошнить. «Этот человек всегда готов без мыла пролезть куда ему нужно», — не раз говорили мы друг другу. Но скоро Дитману стало ясно, что ни ему, ни его друзьям так просто в III Интернационал пролезть не удастся. И замеча-

тельно, чем отомстил нам этот маленький филистер и большой пакостник. Небольшой случай с несколькими десятками немецких рабочих-эмигрантов Дитман раздул в целую историю. У клеветников и сикофантов (вроде господина Мартова) он собрал высосанный из пальца «материал», бережно свез его в Германию и там с злопыхательством, свойственным мелким людишкам, тотчас же по приезде швырнул вонючей бомбой в Советскую Россию. С тех пор Дитман, разумеется, сделался кумиром всей германской контр-революционной швали. Его носили на руках, его объявили единственно достойным государственным мужем, его клеветы перепечатала антибольшевистская Лига и расклеила особым плакатом.

Кто собрал ему его так называемый «материал»? Повидимому, Мартов был в числе главных поставщиков. Насколько достоверен «материал», который опубликовал Дитман, видно из того, что этот господин решился утверждать, будто в нашей партии (т.-е. в Р. К. П.) из числа 600.000 членов 418.000 советских служащих и лишь 11% рабочих! Эти «данные», согласно наглому утверждению Дитмана, будто бы опубликованы самим Центральным Комитетом нашей партии! Столь же достоверны и остальные сведения, собранные и опубликованные Дитманом.

На мой публичный вызов с трибуны партейтага принять участие в публичной дискуссии со мною по вопросу о положении Советской России, Дитман храбро промолчал. На письменное приглашение, посланное ему устроителями собрания в Берлине, с предложением явиться на дискуссию, Дитман также ничего не ответил. Это лишний штрих, хорошо дорисовывающий физиономию Дитмана.

Примерно такого же типа человек четвертый «вождь» правых Независимых—*Криспин*. Он также в молодости знавал лучшие дни и отдал дань радикализму. И он также «поумнел», когда ему стукнул четвертый десяток. Он так же респектабелен и почтенен, как Дитман, и у него так же в идейном отношении нет ничего за душою.

В его манерах есть что-то старо-эс-эровское. Он старается сохранить видимость революционного благочестия. Он умеет во-время щегольнуть парою взятых напрокат шаблонных революционных фраз, он умеет, когда надо, говорить со слезою в голосе. Он некоторым образом—синтез всего того, что есть худшего в меньшевизме и эс-эровстве.

И вместе с тем Криспин водянист и банален до тошноты. Большее идейное убожество трудно себе представить! Уже в Москве, где я имел сомнительное счастье встретиться с Криспином впервые, мы не раз задавали себе вопрос: как могло случиться, чтобы такое убожество стало как-никак председателем и «вождем» миллионной рабочей партии Германии? Сведущие люди отвечали нам, и, повидимому, они были правы, что Криспин одно время являлся председателем партии *именно* потому, что на эту роль, в силу общего положения дел в партии, требовался как можно более бесцветный и безыдейный человек—такой человек, который умел бы на словах «примирить» все противоречия, разрывающие партию, который умел бы, по немецкому выражению, «отбол-

тать прочь» все больные вопросы, стоящие на очереди. Кому случалось заглянуть в брошюры Криспина, тот прямо поразится тому скудоумию, которое проявил автор этих брошюр. Более пошлого, более водянистого, невежественного, фразистого «вождя» в германском рабочем движении еще не было.

Криспин *за* диктатуру пролетариата—на словах. Но понимает ее—в духе... Эрфуртской программы. Криспин *за* советскую систему, но он понимает ее в духе Каутского и Гильфердинга. Криспин «принципиально» за насилие, но—против террора. Криспин «принципиально» за пролетарскую революцию, но против гражданской войны и против восстания. Криспин—адекватное выражение всего «социалистического» филистерства и мещанства наших дней.

Криспин велеречив, добродушен и смиренномудр, когда можно остаться в области мертвой схоластики, когда дело идет о том, чтобы накормить слушателей изрядной порцией «революционных» фраз. Криспин становится нахален и в то же время труслив, когда дело доходит до серьезной борьбы. На съезде в Галле мы не видели Криспина-святошу, мы видели Криспина, который руками, ногами и зубами цеплялся за власть, для которого не было той низости, которую он не совершил бы, чтобы удержаться у власти.

Криспин из породы тех людей, о которых заранее можно сказать: он покатится теперь по наклонной плоскости так далеко, что дальше некуда будет катиться. Недаром некоторые рабочие, члены партейтага, говорили мне: Криспин отличается от Шейдемана только тем, что Шейдеман блондин, а Криспин—вроде шатена.

Особняком стоит фигура *Георга Ледебура.* Он так же стал теперь вождем и председателем партии правых Независимых, хотя до сих пор правые не брали его всерьез и больше смотрели на него, как на популярного шута. Правые Независимые сознательно выдвинули теперь Ледебура на первый план, превосходно зная чертовское самолюбие этого старика. Они нарочно сделали так, чтобы первым подписавшим резолюцию правых был Ледебур. И для внешнего мира он как бы играл первенствующую роль.

Оценку, которую давали Ледебуру германские коммунисты и левые Независимые до съезда в Галле, мы, признаемся, раньше разделяли не вполне. Мы знали, разумеется, что Ледебур есть живой обломок буржуазно-демократических взглядов в социализме, что он так до конца дней своих остался типичным демократом 48 года. Мы читали его реакционно-мещанские заявления о терроре. Мы знали, что он не марксист, что настоящим марксистом он никогда быть не может. Но мы все-таки ценили в нем старого борца, мужественного человека, который находится в лагере рабочего движения не из-за карьеристских побуждений, а из желания служить рабочему классу. Когда германские коммунисты и левые Независимые говорили нам, что Ледебур теперь в Германии играет контр-революционную роль,

мы раньше склонны были считать это преувеличением. Увы, то, что мы видели и слышали теперь в Германии, разубедило нас и должно побудить нас признать полную правоту германских коммунистов и левых Независимых в их оценке старика Ледебура.

Ледебур стал орудием самых темных, самых гнусных и самых палаческих элементов, которые приютились под крышей партии правых Независимых. Его темперамент, его чудачества и его старческие предрассудки сделали его как нельзя более подходящей для правых фигурой, которую дергают за ниточку такие господа, как Дисман.

Мы уже говорили, что Дисман в потенции тот же Носке. Если Дисман еще не расстреливал сотни рабочих, то это потому, что ему еще не представлялся случай к этому. Но Дисман уже чувствует запах рабочей крови и уже предвосхищает ту минуту, когда он будет одним из министров и ему можно будет расправиться с «канальями-коммунистами». И Дисман и К° вместе с тем очень хитры, чтобы самим открыто брать на себя ответственность за подготовляющееся подлое дело. Вот тут как нельзя более кстати приходится для них Ледебур. Ледебур с самого начала русской пролетарской революции особенно заупрямился на одном пункте: на вопросе о терроре. Он десятки раз заявлял, что террор для него неприемлем уже по одному тому, что он «безнравственен». Он десятки раз заявлял: кто признает красный террор, тот реакционер. Правые Независимые легкой лестью и воскуриванием фимиама Ледебуру сумели создать такую обстановку, что Ледебур чувствует себя почти проро-

*

ком. Дисман и Криспин нарочито делают вид, будто Ледебуру в вопросе о терроре удалось сказать какое-то свое новое почти-гениальное слово, заслуживающее стать новым заветом, евангелием для рабочих всего мира.

Вопрос о терроре в Германии играет совершенно исключительную роль. Это не просто спор об одном из частных тактических вопросов. Нет, это вопрос о пролетарской революции в целом. Как известно, германская буржуазия в течение двух лет германской революции отличалась от буржуазии других стран тем, что она применяла к «своему» пролетариату особенно зверский, особенно разнузданный белый террор. Достаточно указать на убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Это накопило в сердцах германского пролетариата вполне понятную ненависть по отношению к буржуазии. Германской буржуазии обязательно необходимо *идейно* дезориентировать германских рабочих. Ей необходимо, чтобы люди, пользующиеся авторитетом, сделали себе специальную профессию из проповеди против красного террора. И вот в лице Ледебура этот человек найден. Германская буржуазия ничего лучшего для себя не могла бы и придумать. Человек, который десятки лет участвует в рабочем движении и является довольно популярным народным оратором, человек, который сам пострадал от буржуазии в борьбе за рабочее дело, ходит с собрания на собрание и с усердием, достойным лучшей доли, доказывает, что для рабочего является «безнравственным», недопустимым делом поднять карающую руку против буржуазии! Чего еще надо господам буржуа?

Перед съездом в Галле, когда борьба особенно обострилась, Дисман и Криспин в газетах и на собраниях стали рассказывать сказки о том, будто бы левые Независимые в борьбе против правых хотят прибегнуть к террору и якобы образовали для этого «комитет убийц», «мердер-централе». Нечего говорить о том, что буржуазия всей Германии охотно подхватила эту легенду.

Но мало того. Когда в германском рейхстаге в связи с моей высылкой обсуждался вопрос о терроре, правые Независимые опять послали на трибуну Ледебура, и тот унизился до следующего: когда оратор левых Независимых Кённен бичевал германских генералов, как виновников империалистической войны и миллионов человеческих жертв, когда Кённен напомнил о том, как белогвардейские офицеры расстреливали на улицах Берлина и других городов ни в чем неповинных рабочих, Ледебур бросил этому оратору левых Независимых обвинение в том, что коммунисты в январские дни и позднее образовали в Германии «коммунистический центр убийц».

Нечего говорить о том, что все белогвардейцы, сидевшие в германском рейхстаге, взвыли от удовольствия по поводу этого «разоблачения». Эта полемика в рейхстаге несомненно является предтечей целой эпохи новых гонений против коммунистов. В этом не может быть ни малейшего сомнения. Буржуазия подготовляет новое кровопускание германским рабочим. На этом сходятся все. И при таком положении вещей для германской буржуазии, разумеется, дороже золота такое обвинение против коммунистов из уст Ледебура. Ледебур без всякого

преувеличения прокладывает этим дорогу белому террору против рабочих. Если белогвардейские офицеры из «Оргеша» снова станут, как в январские дни, расстреливать и терзать на части лучших вождей германского рабочего класса, то в этом доля вины будет и на Ледебуре, который своим выступлением подготовил известное оправдание таким действиям «Оргеша». Многие до сих пор считали Ледебура просто старым шутом. Но из того, что мы передали, становится ясно, что это не просто шут, а — шут кровавый. Классовая борьба в Германии настолько остра, что эти так называемые чудачества старого «демократа» марки 1848 года на глазах у всех превращаются в открытую контрреволюционную проповедь.

Другие вожди правых Независимых менее примечательны. Они иногда являются просто комическими персонажами.

Вот тетка Луиза Циц—Schlummertante, как метко назвал ее один левый товарищ. Ее почему-то выставляют докладчицей от Центрального Комитета Партии, хотя, говоря совершенно объективно, она, как политическая фигура, годится разве только для того, чтобы пугать воробьев на огороде. Абсолютно невежественная и крайне озлобленная, она держится за свой кусочек власти в партии, как утопающий за соломинку. Всякое критическое слово, направленное со стороны революционных рабочих против того Центрального Комитета, который тетка Луиза Циц украшала своим присутствием, эта старая бюрократка рассматривает, как личное оскорбление. Центральный Комитет такая же ее личная собственность, как ее передник, как ее зеркальный шкаф и старая пелерина.

Вот Рихард Липинский, «маститый» бюрократ города Лейпцига, типичная канцелярская крыса. Он знает на-зубок все примечания к уставу партии. Но дальше этого не пошел. «Что к чему» во всей принципиальной борьбе—ему не дано. Он знает только, что он секретарь со времен царя-Гороха, что он получает такой-то «гехальт» (жалованье),

что надо слушаться Гильфердинга и Криспина, что злые люди хотят притти и нарушить тот образцовый «порядок» и течение дел, которые установлены долгими усилиями в рядах германской социал-демократии. Почему он не за Шейдемана?—Аллах его ведает! Его решительно ничто не отличает от «порядочного» шейдемановца. Он, разумеется, теперь будет одним из тех, который станет живым мостиком между правыми Независимыми и «левыми» шейдемановцами.

Вот Курт Розенфельд, благонамеренный адвокат доброго, старого времени с вершковым политическим кругозором, с очень эластичной, почти резиновой спиной. Вчера он был за левых, нынче он с правыми Независимыми. Вчера он готов был доказывать одно, сегодня он со слезою в голосе столь же убежденно будет доказывать обратное. Сегодня он у правых, завтра опять ткнется к левым, а послезавтра, если ветер подует в другую сторону, он может опять оказаться на стороне правых.

Вот Мозес—гениальный автор «Gebärstreik»'а. Несколько лет тому назад он придумал самый простой и легкий способ уничтожить капитализм: женщины должны устроить стачку и отказаться рожать детей — тогда капиталисты останутся без рабочих и без солдат... Теперь Мозес вождь правых Независимых. Он сидит в первых рядах, заложив ногу на ногу, и с самым наглым видом рассматривает беспокойную левую, которая так «дерзко» нарушила порядок и благочиние в тихом семействе. Мозес выбран в Центральный Комитет новой правой партии. За какие заслуги—ведают господа Дисман и Криспин, да еще господь бог...

Вот еще одна, особняком стоящая, неуклюжая, смешная фигура. Единственно, что есть в ней хорошего, это—фамилия: *Теодор Либкнехт.* Теодор Либкнехт—брат нашего Карла Либкнехта. До сих пор Теодор Либкнехт не занимался политикой. И правые и левые Независимцы про него шопотом говорят: в политике Теодор Либкнехт — круглый дурак. Увы, это правда! Но правые не краснобаи, а «люди дела». Все пригодится в большом хозяйстве. Пригодится и благозвучное имя Теодора Либкнехта. Правые Независимые прибегли к такому трюку: во главе берлинского списка кандидатов на съезд в Галле от имени правых они поставили Теодора Либкнехта рядом с Ледебуром. Повторяю, Теодор Либкнехт никакого серьезного участия в политике никогда не принимал. Но именно теперь, когда он оказался на стороне правых Независимых, правые Независимые подобрали его (веревочка и та пригодится) и поставили во главе списка, надеясь этим обмануть простаков рабочих. И, конечно, найдутся простаки рабочие, которые скажут: раз Либкнехт, брат Карла Либкнехта, стоит за них (т.-е. за правых), то, вероятно, они все-таки не последние негодяи.

Такой прием достаточно характеризует ловкость рук Дитмана и Криспина. Но что сказать о Теодоре Либкнехте, который дал себя использовать таким образом? Что сказать о человеке, который не побрезговал использовать память брата, павшего в борьбе как раз против таких негодяев, как Дитман и Криспин?

Теодор Либкнехт подходил ко мне на съезде, жал руку и мрачно заявил: рад вас приветство-

вать, но сожалею, что—при такой обстановке! После того, что сделал Теодор Либкнехт, до чего он упал, я никак не мог ответить взаимным приветствием...

Таков генеральный штаб фракции Независимых.

Остается еще прибавить, что рядом с этими почтенными «вождями» сидели еще следующие знатные иностранцы, представители «братских» партий других стран: господин Грумбах, патентованный мошенник пера, шовинист, который наводнял во все время империалистической войны продажную прессу Антанты фантастическими известиями из Германии. Рядом с Грумбахом восседал его почтенный соратник Мартов, бывший человек, вынырнувший на поверхность в Галле для того, чтобы выступить чистильщиком сапог будущему новому Носке—Дисману. И, наконец, стыдливо, на краешке стула среди правых сидел французский каутскианец Лонге, который, однако, чувствовал себя очень неловко в этой компании и на лице у которого все время было написано: «эх, кабы можно было сесть *между* двумя половинами съезда»...

Крайне характерно было отношение всего правого крыла Независимых к Карлу Каутскому. Сам Каутский на съезде в Галле, как известно, не был. Он вместе со своей супругой, вместе с известным французским социал-предателем Реноделем, бельгийским социал-патриотом Гюисмансом и парою других социал-предателей гостил в это время в Грузии. Отсутствие Каутского на съезде, повидимому, было не случайно. Дельцы правого крыла Независимых чувствовали, что Каутский является вроде бельма на их глазу, и на критическое время они постарались как-нибудь сбыть его с рук. Незадолго до съезда в Галле, «ученик и друг» Карла Каутского, господин Гильфердинг, нарочито подчеркнул в своей газете, что Карл Каутский переселяется в Вену, и намекал, что этим самым вопрос о роли Каутского в Независимой партии теряет остроту. Но Вена все-таки слишком близко от Германии. «Находчивые» ученики Каутского пришли к тому выводу, что старика надо сплавить, хотя бы на время, подальше, и отправили его в Тифлис в гости к палачу грузинских рабочих, к господину Ною Джордание.

Однако, мы, противники правых Независимых, разумеется, и не думали считаться с этой попыткой Гильфердинга и К° обосновать alibi Каутского. Мы ставили вопрос ребром. Мы напомнили многочислен-

ные брошюры Карла Каутского, в которых он превозносил идеи пресловутой «чистой» демократии, в которых он поливал помоями русских рабочих и пролетарскую революцию в России. Мы напомнили тот общеизвестный факт, что брошюры Карла Каутского печатались передовыми статьями в белогвардейских газетах царских генералов, воюющих против советской власти. Мы дали критику всей контрреволюционной идеологии Карла Каутского.

И тут крайне интересно отметить, как откликнулись на этот вызов почтенные ученики Карла Каутского. Это настолько характерно для правых Независимых, что мы подчеркиваем это повторно.

Вся «теоретическая» премудрость, с которой выступал в Галле Дитман, Криспин и Гильфердинг, была взята напрокат из упомянутых нами брошюр Карла Каутского. Среди, так называемых, идей Гильфердинга, Дитмана, Криспина и К° трудно найти хотя бы одну мыслишку, которую они не заимствовали бы у Каутского. Они в идейном отношении обязаны Каутскому *всем*. Но характерно для этих трусишек: на съезде в Галле, перед лицом делегатов от рабочих, никто из них не посмел родными счесться с Каутским. На все наши вопросы о том, как относятся они к Каутскому, никто не сказал прямо ни да, ни нет. Отдельные смельчаки выкрикивали с правых скамей, что им никакого дела до Каутского нет, что Каутский-де никакого влияния на их политику не оказывает и т. п. Но самые «ответственные» молчали или — пытались отшучиваться.

Более хамское отношение к своему собственному учителю и теоретическому родоначальнику

трудно себе представить. Безыдейность этих людишек поистине не знает предела.

В Москве, во время Конгресса, в начале его, когда Дитману и Криспину казалось, что наши условия приема в Коммунистический Интернационал будут не так строги и что они тоже смогут прошмыгнуть в III Интернационал, Криспин и особенно Дитман в частных разговорах много раз отрекались от Каутского и «тонко» давали нам понять, что, если мы столкуемся с ними, они не остановятся перед тем, чтобы исключить Каутского из партии. Все эти люди настолько беспринципны, что каждый из них готов в любую минуту предать другого— только бы сохранить свое собственное положение.

Нет никакого сомнения: теперь, когда правые Независимые откололись и образовали особую партию, теоретическим главою останется безусловно Каутский, тот самый Карл Каутский, которого еще вчера Дитман и Криспин готовы были принести в жертву и исключить из партии. Может быть в виду того, что имя Карла Каутского уж слишком ненавистно германским рабочим, воротилы новой партии постараются попридержать Каутского за ширмами и выпускать его пореже. Но так называемую «теорию» правых Независимых попрежнему будет творить этот маститый ренегат. В этом не может быть никакого сомнения.

Вопрос об отношении к Советской России, само собою понятно, был фактически центральным вопросом съезда в Галле. Вожди правых Независимых сделали попытку разделить вопрос: дескать, отношение к Советской России это—одно дело, а отношение к III Интернационалу — совсем другое. Вожди правых Независимых все время божились и клялись, что они целиком стоят *за* Советскую Россию и будут «продолжать поддерживать» ее и дальше — независимо от того, расколется ли партия, или нет.

В проекте резолюции, внесенном правыми Независимыми, говорилось прямо: само собою разумеется, что правые Независимые будут и дальше оказывать всякую поддержку Советской России...

Это говорили те самые люди, во главе которых стоит такой персонаж, как Дитман, который сделал себе карьеру среди буржуазии своими статьями против Советской России.

Откуда же такое лицемерие, откуда такое двоедушие? Ведь нет никакого сомнения, что все эти Гильфердинги, Криспины, Дитманы и К° от глубины души ненавидят большевиков и втайне мечтают (как это делал вслух Каутский, не раз писавший, что большевистский режим падет через пару месяцев) о том счастливом времени, когда «демократия» низвергнет Советскую власть в России. Дело объясняется очень просто. Пролетариат России своей

великой борьбой завоевал сердца пролетариев всех стран. Рабочие всего мира, в том числе и рабочие Германии, на собраниях не дают говорить против Советской России. Рабочие горой стоят за нас. Кто хочет пользоваться хотя бы небольшим доверием германских рабочих, тот должен делать вид, что он на дружеской ноге с Советской Россией. С идеей поддержки Советской России кокетничают даже шейдемановцы. Господа правые Независимые, самый заветный лозунг которых гласит: «держи нос по ветру», конечно, должны были попытаться сделать вид, что они, несмотря ни на что, стоят за Советскую Россию.

Но, разумеется, правые Независимые не выдержали характера. Все их выкрики против «московского кнута», все их обвинения против левых в предсъездовской дискуссии сводились ведь к самому базарному шовинизму, направленному именно против Советской России.

Газета «Фрейхейт» изо всех сил старалась сохранить вид газеты, дружественной Советской России. У Дитмана вышла осечка. Когда он приехал из России, он размахнулся было на целую серию статей против Советской России. Но тот «головокружительный» успех, который он имел у буржуазии и черной сотни, сразу уронил его в глазах рабочих. Ему стало невозможно показываться на рабочих собраниях. Газету «Фрейхейт» стали бойкотировать рабочие. И при таких обстоятельствах газета предпочла оборвать намеченную серию и ограничиться только парою уже напечатанных клеветнических статей. Но как ни старался сдерживаться Гильфердинг, редактор газеты, — руль невольно выскользнул из его рук, и газета с каждым днем все

больше превращалась в грязный анти-большевистский листок. Во время съезда на первом месте «Фрейхейт» жирнейшим шрифтом напечатала манифест армянской так называемой «рабочей партии», обращенный во *II Интернационал*, т.-е. в так называемое Международное Социалистическое Бюро. В этом манифесте армянские шейдемановцы от имени всей так называемой армянской «демократии» обращались ко *II Интернационалу* с просьбой защитить их от злых большевиков, которые будто бы готовят нападение на армянский народ. Нет никакого сомнения, что господин Гильфердинг превосходно знает нынешнюю роль так называемой армянской «демократии». Он не может не знать, что нынешнее буржуазное армянское государство является просто пешкой в руках Антанты, что через Армению ввозится оружие Врангелю и т. п. Он не может не знать и того, что так называемая рабочая партия Армении есть отпрыск международного шейдемановства. Если тем не менее Гильфердинг печатал манифесты этой армянской, с позволения сказать, рабочей партии, то это потому, что «Фрейхейт» превратилась именно в вульгарный анти-большевистский листок.

Господа правые Независимые один за другим усиленно пытались на съезде в Галле использовать те споры по вопросу о взаимоотношениях между «верхами и низами», которые в последнее время были злободневными в нашей партии. Господин Мартов привез в Галле московские газеты с подробным изложением прений на нашей последней всероссийской партийной конференции и со статьями, посвященными вопросу «верхи и низы». Орган Гильфердинга немедленно перепечатал эти материалы,

выбросив, разумеется, все то, что было неподходящим для него, и исказив действительный смысл их. «Сам» Дитман взялся за «обработку» этих материалов с ораторской трибуны. Захлебываясь от самодовольства и смакуя каждое слово, Дитман читал выдержки из статей тов. Преображенского, печатавшихся в «Правде» накануне нашей последней всероссийской партийной конференции. С еще большим удовольствием читал Дитман выдержки из моего доклада на нашей партийной конференции, в котором я говорил о некоторых теневых сторонах в нашей партии, указывая на существующее неравенство и пр. и т. п. Передав эти выдержки, расцвеченные цветами его собственного красноречия, Дитман с торжеством заключил: «кто же не видит, что это есть полное банкротство партии большевиков, полное банкротство идеи централизма?»

Я в своей речи подробно остановился на этом месте. Дитмановская игра очень скоро обратилась против него самого. Да, говорил я, в нашей партии есть теневые стороны. Да, мы переживаем в известном смысле «сезонные» болезни. Когда мы пришли к власти, к нам примазались чуждые элементы. Когда лучшие наши люди были на фронтах, в тылу дело иногда шло плохо. Да, мы резко критикуем эти теневые стороны в жизни нашей организации. Мы делаем это 25 лет подряд, всякий раз безбоязненно указывая наиболее больные места нашей партийной организации. И именно поэтому мы имеем могучую партию, которая в основе своей здорова и которая способна выполнить свою историческую миссию. Вы, господа Дитманы и Криспины, рассказывали сказки, будто у нас в России

господствует такая диктатура, при которой никто не посмеет сказать слова критики, вы много разглагольствовали о «кнуте», о «спокойствии кладбища» и т. д., но вы опровергли сами себя! Немецкие рабочие видят теперь, что мы умеем сами открыто и резко критиковать свою собственную партию, указывать на ее болезни и — *лечить* эти болезни. Я хотел бы видеть, сказал я, того вождя правых Независимых, который посмеет столь открыто и смело критиковать свою собственную партию. Вы, господин Дитман, особенно захлебывались от удовольствия, когда цитировали то место моего доклада на нашей всероссийской партийной конференции, где я говорил о неравенстве внутри партии. Да, у нас неравенство еще есть. Мы указываем на него прямо. Мы хотим его уничтожить и уничтожим. Но я спрашиваю вас: а что же, в вашей партии нет неравенства? Что же, сидящие на правой стороне адвокаты, парламентарии, а в иных случаях и банкиры, что же, они ведут такой же образ жизни, как сидящие на левой стороне рабочие, пришедшие от станков, из шахт и мастерских? Это место моей речи вызвало большое движение в зале. Стрела попала в цель. Да, говорил я немецким рабочим, вы должны понять, что, когда вы будете стоять у власти, к вашей партии также попытаются примазаться сомнительные элементы. Вы должны будете принимать специальные меры для того, чтобы уберечь вашу партию от наплыва этих чуждых вам элементов. То же самое делаем и мы. Я готов, прибавил я, на любом собрании немецких рабочих прочитать те места моей речи, которые цитировал Дитман, и я уверен, что немецкие рабочие будут за нас.

Большую благодарность за провал мошеннических попыток правых вождей Независимых мы обязаны выразить гражданину Мартову. Он больше всех помог провалу этих попыток. Правые Независимые до съезда пытались утверждать, что ничего общего с русскими меньшевиками они не имеют. Это утверждение они делали и на самом съезде. Господин Гильфердинг протестовал против моего утверждения, что правые Независимые являются частью международного меньшевизма. Он пробовал иронизировать по поводу того, что я вижу весь мир в русских красках.

Но каждая позиция имеет свою логику. В борьбе против III Интернационала и против Советской России правые Независимые, естественно, должны были уцепиться за Мартова. И Мартов поддержал их со всей энергией—так, как веревка поддерживает висельника.

От выступления Мартова, я, разумеется, ничего особенно приятного ожидать не мог. Я понимал, что Мартов поехал в Галле не для того, чтобы поддерживать советскую власть и III Интернационал, а для того, чтобы выступать против них. Но, что Мартов дойдет до таких подлостей, до каких он дошел, мы все-таки не могли предположить. Мартов не только расписывал «ужасы», творимые большевиками, не только распространялся на тему о том, каким гонениям подвергался со стороны советской власти бедный Чернов, не только рассказывал сказки о тех жестоких преследованиях, которым подвергались меньшевики и т. д. Это было бы еще полбеды. Мартов дошел до такой низости, что в Галле, на этой международной трибуне, *защищал*

*

польскую буржуазию против Советской России, а в интервью, помещенном в дни конгресса в газете «Фрейхейт», Мартов прямо донес Мильерану и Ллойд-Джорджу, что мир, заключенный Советской Россией с Польшей в Риге, является-де военной хитростью со стороны Советской России, что это есть временное перемирие, которое будто бы весною Советской Россией будет нарушено.

Мартов далее смаковал перед правыми Независимыми владивостокское правительство и тонко давал понять всему миру, что образование Дальне-Восточной Республики, как буферного государства между нами и Японией, является результатом какой-то закулисной сделки и т. д.

Сплошное ренегатство, сплошное отступничество, брызгание ядовитой слюной против русской пролетарской революции. Вот, чем была черносотенная речь Мартова. От многих «нейтральных» людей, которые до сих пор относились к Мартову еще с некоторым доверием и считали, что мы слишком суровы в своем отношении к Мартову, нам пришлось слышать заявление: «что угодно мы ожидали от Мартова, но не такой низости.

Часть фракции правых была сильно фрапирована такой черносотенной речью Мартова. Лонге счел долгом с трибуны прямо протестовать против нападок на Советскую Россию, содержавшихся в речи Мартова. Но Дисмановское ядро фракции правых и все правые вожди захлебывались от счастья при каждом погромном выкрике Мартова. Эти правые молодцы сияли, как медные пятаки, когда Мартов, превосходя сам себя, переходил от одной низости к другой. Союз правых вождей Независимых с

контр-революционером Мартовым был закреплен на глазах у всего съезда. Это лишний раз убедило левое большинство съезда в необходимости полного разрыва с правыми Независимыми.

Но Мартов зарезал правых еще в другом отношении. Мое главное обвинение против вождей правых Независимых гласило: вы, господа, абсолютно не верите в мировую пролетарскую революцию, и, поэтому, все ваши перспективы построены на том, что предстоит не революция, а длительная эпоха мирного развития.

В моей речи я цитировал доклад Криспина на общепартийной конференции, состоявшейся недели за три до съезда по возвращении Криспина из Москвы. В этой речи Криспин говорил совершенно определенно, что нынешнее положение во всех странах Европы напоминает положение *после* революции 48 года. Он сравнил нынешнюю борьбу между коммунистами и правыми Независимыми с борьбой между марксистами и «левыми» крикунами в Союзе Коммунистов в конце 40-х годов. Этим своим заявлением Криспин выдал себя с головой. Про Криспина вообще можно сказать: что у Гильфердинга на уме, то у Криспина на языке.

Гильфердинг, Криспин и К° абсолютно не верят в то, что Европе предстоит еще революционное развитие. Они убеждены, что буржуазия справилась уже с главными трудностями, и что теперь предстоит эпоха постепенного мирного обновленчества. В обоих длинных рефератах, произнесенных на съезде Криспином и Дитманом, было что угодно. Не было только ни малейшего упоминания о перспективах предстоящей мировой революции. Когда я в

своей речи указывал на это, я попал нашему противнику, что называется, не в бровь, а прямо в глаз. Противник, тем не менее, пытался изворачиваться. Криспин утверждал, что цитируемые мною сравнения он употреблял только в применении к положению дел *внутри партии*, а вовсе не к общеполитическому положению вещей. Этим он еще больше запутал вопрос—к своей невыгоде. Внутренне партийное положение, разумеется, тесным образом связано с обще-политическим положением.

О чем спорили в Союзе Коммунистов в конце 40-х годов?—О том, быть или не быть в ближайшем будущем новой полосе революционных бурь. Маркс, учитывая объективное положение, приходил к выводу, что в ближайшее время этим бурям не бывать. Маркс оказался прав. Если Криспин сравнивает нынешний спор с этими спорами, он ничего другого сказать не хочет, как именно то, *что и теперь революционные бури не предстоят.*

Но как бы то ни было Криспин и К° пытались утверждать обратное. Они пытались уверить, что они «тоже» стоят за мировую революцию. И тут-то медвежью услугу оказал им Мартов. В его речи кроме паскудной лжи на нашу партию, услужливых доносов империалисту Мильерану и низкопоклонства по отношению к польской буржуазии, была так называемая общая часть, где Мартов с откровенностью, заслуживающей полной похвалы, нападал на «фанатизм» масс, на «религиозную» и «наивную» веру рабочих в то, что социализм можно завоевать сейчас, немедленно. Десять раз возвращался Мартов именно к этой теме. Он не переставал сетовать, плакать и хныкать по поводу того, что

рабочие массы в наш век так незрелы, так необразованны, так первобытны и так примитивны, что они верят в какое-то чудо: в возможность скорого завоевания социализма. Этим, разумеется, Мартов раскрыл карты. Для всех стало ясно, что Мартов и иже с ним, стало быть и Криспин и Дитман, видят свою задачу *не* в том, чтобы помочь рабочему классу скорее реализовать социализм, а в том, чтобы убедить «некультурную», «примитивную», «отсталую» рабочую массу в необходимости отказаться от ее «фанатизма» и «наивной» и «религиозной» веры в скорое пришествие социализма. За эту услугу, оказанную нам Мартовым, ему нельзя не выразить благодарность. На это место в речи Мартова достаточно было указать пальцем. Достаточно было спросить всех присутствующих: неужели вы не видите, что эта так называемая «религиозная, наивная» вера в возможность социализма есть величайший революционный фактор в истории? Неужели может кто-нибудь сомневаться, что без этого так называемого «фанатизма» масс пролетарская революция, раскрепощение рабочего класса просто невозможны? В программной речи Мартова содержался прямой *вызов* социалистической революции, прямое пренебрежение отщепенца, доктринера-интеллигента к массовой борьбе пролетариата, к его неиссякаемой вере в победу рабочего дела. Устами Мартова говорил типичный реформист, для которого нет большего врага на свете, как эта так называемая «религиозная» вера рабочих масс в революцию.

— Скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты таков! Скажи мне, с кем ты дружишь на

международной арене, и я скажу тебе, какова твоя собственная политическая позиция! Вожди правых Независимых прошлись под ручку с контр-революционным реформистом Мартовым перед всем честным народом. Это будет им стоить многих десятков местных организаций, которые отвернутся от них теперь еще скорее, чем этого можно было ожидать.

Мы потянули правых Независимых за язык и заставили во что бы то ни стало сказать, в чем их *принципиальное* расхождение с Коммунистическим Интернационалом, с тезисами, принятыми на II Конгрессе Коммунистического Интернационала. Устами Криспина, Дитмана, Гильфердинга правые Независимые заявили, что они расходятся принципиально с нами по четырем вопросам: аграрный, национальный, террор и роль Советов. Нам нетрудно было впоследствии доказать, что все эти четыре расхождения являются выражением *одного кардинального разногласия:* мировая пролетарская революция или реформизм.

В самом деле обратимся к разногласиям, как их формулируют сами правые Независимые. Начнем с *аграрного* вопроса. Правые вожди отвергают тезисы, принятые II Конгрессом Коммунистического Интернационала, на том основании, что эти тезисы допускают в известном случае раздел крупных латифундий в руки мелких крестьян и тем будто бы отступают от марксизма. Бедный марксизм! Когда Криспин, Дитман и Гильфердинг берутся за истолкование марксизма, Марксу поистине остается только повертываться в гробу. Аргументация, которую дал оратор правых Независимых Криспин, сводилась к чистейшему меньшевизму. Мы очень хорошо по-

мним, как наши русские меньшевики то рядились в тогу «чисто рабочей» партии, которая не желает делать ни малейших уступок мелкому крестьянству, то облачались в тогу «народной» партии и начинали защищать крестьян против нас—тогда, когда рабочему классу приходилось, например, путем принуждения добиваться получения хлеба от богатых крестьян. Та же картина повторяется и сейчас. В то время, когда у власти еще не стоит рабочий класс, германским меньшевикам больше всего улыбается рядиться в тогу «чисто рабочей» партии, требующей, чтобы рабочие не делали никаких уступок мелкому крестьянству. Правые независимцы ссылались в этом вопросе на Launches Сератти, который, дескать, выступал тоже против уступок мелкому крестьянству. Нам не трудно было парировать это замечание указанием на то, что революционные события в Италии за последние недели оправдали *не* Сератти, *а нас*. Когда в последние недели итальянские рабочие перешли к прямому захвату фабрик и заводов, мелкие итальянские крестьяне перешли к захвату земель. И, разумеется, только тупоумный реформист мог бы сказать, что этот захват земель был помехой революции, а не помощью ей.

Мы задали вопрос Криспину и К°:—если вы не желаете известного союза с мелкими крестьянами на определенной стадии пролетарской революции, то как отнесетесь вы к идее необходимости крестьянских Советов во время революции? Криспин и К° отвечали на это, что никаких крестьянских Советов, по их мнению, не нужно, и этим еще раз раскрыли свою реформистскую душу.

Правые Независимые не ищут союзников для успешного проведения пролетарской революции—по той простой причине, что они в эту пролетарскую революцию ни на минуту не верят. Вот, что показали возражения правых Независимых по аграрному вопросу.

Особенно интересны были прения по *националь-ному* вопросу. Прежде всего здесь большую роль сыграла история с Энвер-пашой. Господа правые Независимые, с истинно меньшевистским искусством по части ябеды и склоки, в течение нескольких недель трубили по Германии и по всему миру, будто Энвер-паша вошел в III Интернационал, будто в Баку на съезде народов востока мы братались с ним. Эта легенда пошла гулять из газеты в газету по всему миру. В предсъездовской избирательной борьбе эта легенда сыграла очень большую роль. Нам доставили избирательный листок из Франкфурта, подписанный госпожей Тонни Зендер и несколькими другими вождями правых Независимых, в котором говорилось: «палачу армянского народа Энвер-паше нашлось место в III Интернационале, а старому революционному борцу Ледебуру не находится там места».

Нам пришлось начать с того, чтобы рассказать правду обо всем, что было с Энвер-пашой в Баку. Энвер-паша, как известно, в Баку делегатом вовсе не был. Он приехал туда гостем. Он просил предоставить ему слово на съезде. Ему в этом *отказали*. Тогда он попросил прочитать его заявление, и это заявление было прочитано. В этом заявлении говорилось о том, что он и другие представители нынешнего турецкого народного правительства стоят

на стороне советской власти и убедились в том, что в союзе с буржуазией какой бы то ни было страны им не найти спасения.

Что сделали мы в ответ на это заявление Энвер-паши? Приняли мы его в свои объятия?—Нисколько! В ответ на прочитанное заявление была внесена мною и Бэла-Куном резолюция, принятая съездом, в которой говорилось черным по белому, что мы *предостерегаем турецкий народ против тех вождей, которые несут ответственность за империалистическую войну*, и что мы предлагаем этим вождям не словами, а делом доказать свою нынешнюю верность народу, и мы призываем турецких рабочих и крестьян бороться *не только* против иноземных угнетателей, но и *против собственных богачей*. Мы призываем их устраивать Советы, в которые не было бы доступа никому, кроме бедняков, и т. д.

Из *этого* правые Независимые с ловкостью рук и искусством, которые свойственны были покойному нововременцу Буренину и живому меньшевику Мартову, сделали легенду о нашем мнимом союзе с Энвер-пашой и о его мнимом вступлении в III Интернационал!

Но это была только частность, только эпизод. Очень интересен взгляд правых Независимых на национальный вопрос в целом. Они утверждают, что сторонник Маркса не может ничего общего иметь с нынешним национальным движением угнетенных народов. Что, собственно, происходит на востоке? — говорит глубокомысленно Криспин. Это, мол, молодые капиталистические страны хотят освободиться из-под влияния старых капиталистических стран.

Таким образом, по Криспину выходило, что Индия, Персия и Китай являются «молодыми капиталистическими странами»! Эта явная нелепость била в глаза. Но Криспин говорил об этом не моргнув глазом — с видом знатока. Нам не стоило большого труда показать все невежество Криспина и K⁰ в этом вопросе.

Мы говорили:

— Без восстания, без пробуждения Азии нет *мировой* революции, есть в лучшем случае только европейская революция. Мы указывали на то, что III Интернационал и только он один своей политикой сумел уже в кратчайший срок внушить безграничное доверие народам востока. Мы указывали на тот факт, что нынешнее отношение к движению народов востока со стороны правых Независимых есть, в сущности говоря, продолжение того, что было во II Интернационале. То суверенное презрение, с которым ученые господа вроде Гильфердинга говорят о «муллах из Хивы», свидетельствует о мещанской самовлюбленности и ограниченности «европейца»-реформиста, неспособного понять революционную роль пробуждающейся Азии. Нам нетрудно было доказать, что если правые Независимые не понимают роли освободительного движения народов востока в деле пролетарской революции, то это потому, что сама мировая пролетарская революция для них звук пустой и кимвал бряцающий.

В вопросе о *терроре* Криспин и К°, с легкой руки Каутского, пытались сделать «ученое» различие между «террором» и «насилием». Насилие вообще мы признаем, говорил Криспин, но террор — ни в коем случае! Мы отвечали на это: террор есть лишь наиболее острая форма насилия, как гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы. Мы отвечали на это далее тем, что рассказали в кратких чертах об опыте русской и финляндской революций. Мы напомнили о той розовой, мечтательной юности пролетарской революции в России—первые дни октябрьского переворота—когда мы освобождали из Смольного генерала Краснова под честное слово, когда выпускали министров Керенского на свободу, а они потом организовывали против нас гражданскую войну, стоившую нам десятков тысяч жизней наших товарищей. Мы напомнили о том, как вмешательство Антанты постепенно вынуждало нас применять самые острые формы обороны: террор. Мы процитировали резолюцию 8-го Совета партии с.-р. (Дитман в своих статьях и докладах защищал также Чернова), который во время чехо-словацкого восстания прямо призывал Антанту прислать свои войска на территорию Советской России. Мы напомнили пример финляндской революции, когда финляндский пролетариат, взяв власть в свои руки, был настолько

наивен, что отпустил всех депутатов сейма и буржуазных министров на свободу, а те отправились в Берлин, привезли от Вильгельма головорезов-белогвардейцев и перебили до 30 тысяч финляндских рабочих. И мы намекали германским рабочим на то, что их собственный германский опыт и прежде всего расправа белой гвардии с лучшими их вождями, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург, также громко вопиют против мещанских взглядов противников террора.

Это место моей речи было встречено со стороны громадного большинства съезда особенно сочувственно. Германские рабочие хорошо намотали себе на ус вывод, вытекавший из этих моих слов. Но это же место моей речи, как будет ясно из дальнейшего, сплотило против меня всю реакционную Германию— начиная от организации «Оргеш» и кончая правыми Независимыми вождями. За это место в моей речи буржуазией и «социал-демократами» впоследствии была поднята самая неслыханная, самая дикая травля. Это место моей речи пытались изобразить, как «нероновский» кровожадный призыв, как науськивание на немедленную поголовную кровавую расправу со всей буржуазией и т. д.

Наконец, по вопросу о «советской системе» Криспин формулировал свой взгляд так: в Советы надо, дескать, допускать только сознательных рабочих: реакционные рабочие, например христианские и т. д., в Советы допускаться не должны. Это раз. Во-вторых, партия не должна претендовать на руководство Советами. Такое руководство приводит, дескать, не к диктатуре пролетариата, а к диктатуре над пролетариатом. Нам нетрудно было доказать,

что и то и другое было бы реакционно. Советы ценны нам именно, как такие организации, куда мы можем привлечь и отсталых рабочих. Мы говорили: Советы—это лучший университет, в котором отсталые рабочие массы лучше всего изживают свое недоверие к пролетарской революции. В Советы должны иметь доступ все рабочие. Но именно поэтому партия должна иметь внутри Совета свою организацию и должна стараться через нее руководить всеми Советами.

Первым по главному вопросу порядка дня говорил Криспин, вторым Деймиг, затем Дитман и четвертым Штекер. Затем слово получил я. Шайка Дисмана только и ждала подходящего случая, чтобы попытаться сорвать мою речь. Она получила этот случай довольно скоро. Останавливаясь на роли желтых вождей Амстердамского профессионального Интернационала, я сказал, что некоторые из желтых вождей несравненно более антипатичны и опасны для рабочего класса, чем открытые белогвардейцы из организации «Оргеш». Тут Дисман и К⁰ попытались поднять невероятный шум и вломиться в амбицию: я, дескать, оскорбил 28 миллионов членов профессиональных союзов! Дитман патетически потрясал своим членским билетом и кричал, что он 22 года состоит членом професс. союза, что он не позволит оскорблять профессиональные союзы и т. п. Сорвать мою речь этим господам, тем не менее, не удалось. Ораторы левых Независимых в предсъездовской дискуссии и отчасти на самом съезде, к сожалению, давали себя загнать в оборонительную позицию. В моей речи я, разумеется, с первых же слов перешел в наступление. Левых Независимых Криспин называл «скрытыми коммунистами» («verkappte Kommunisten»). С искусством подъячего-кляузника Криспин и К⁰ пытались доказать в своих речах, что левые Независимцы являются коммунистами, не

решаясь только называть себя таковыми. Все левое крыло съезда встретило шумной овацией мои слова, когда я сказал, что здесь сидят не скрытые, а—*открытые* коммунисты. И когда я поставил Криспину и К° вопрос: «если вы являетесь такими непримиримыми противниками коммунизма, зачем лезете вы в Коммунистический Интернационал, что ищете вы там?»—съезд разразился бурей одобрения. Вначале правая не теряла надежды так или иначе все-таки сорвать мою речь. Но через короткое время я *заставил* их слушать себя. Вопросов было затронуто так много, что мне пришлось говорить без перерыва четыре с половиной часа—самая длинная речь в моей жизни. После первого получаса вся правая уже, как вкопанная, сидела на местах и слушала внимательно. Даже Ледебур, известный своей привычкой прерывать своего противника через каждые пять минут, сидел и слушал, раскрыв рот и развесив уши. Кончилось тем, что из среды самих правых меня стали просить осветить еще тот или другой новый вопрос, который я не затронул еще в своем реферате. Центр тяжести моей речи был посвящен доказательству того, что правая не верит и не хочет верить в мировую пролетарскую революцию, исходя из реформистского взгляда на предстоящее развитие, и на этом строит всю свою тактику.—Вы расходитесь с нами не потому, что у нас не 18 условий, а 21, *а потому, что мы революционеры, а вы реформисты!* Таков был смысл моей речи.

Мне, разумеется, пришлось подробно останавливаться и на условиях приема в Коммунистический Интернационал, т.-е. на том вопросе, из которого правые Независимые накануне партейтага пытались

*

сделать центр всего спора. Особенное волнение вызвало в рядах правой мое заявление от Исполнительного Комитета следующего характера: вы говорите, заявил я, что для вас 21 условие не приемлемы? Хорошо! Это—ваше право. Но тогда мы требуем от вас от имени Исполнительного Комитета: сформулируйте точно и ясно в письменной форме, что именно для вас неприемлемо и что именно кажется вам неправильным в наших тезисах и условиях. Скажите точно и ясно в письменной форме, на каких условиях вступление в Коммунистический Интернационал было бы для вас *приемлемо*? Не ограничивайтесь общими расплывчатыми фразами об «автономии», национальной самостоятельности и т. д. Карты на стол! Скажите перед всем миром, *в чем именно* решения II Конгресса Коммунистического Интернационала неприемлемы для вас. Эта стрела попала не в бровь, а в глаз вождям правых Независимых. Они заволновались и стали кричать, что это демагогия («Bauernfängerei») с моей стороны. Я еще раз остановился на этом со всей подробностью, и мне легко было доказать, что никакой демагогии нет в том, что я прошу партию, которая хочет войти в Коммунистический Интернационал (только не на тех условиях, которые выработаны были II Конгрессом Коммунистического Интернационала), чтобы она точно сказала, *каковы ее условия*? Это резало вождей правой Независимой без ножа—потому, что свою фракцию они сколотили с грехом пополам на *общем* отрицательном отношении к уничтожению всякой автономии и т. д. Гильфердинг и К° прекрасно знали, что, если бы они сели за стол и стали формулировать условия, на которых приемлемо для

них вступление в Коммунистический Интернационал, они немедленно потеряли бы значительную часть своей фракции.

Я говорил, разумеется, о русской революции, о положении в Советской России. В этой части моей речи, мне кажется, я нанес наибольшее моральное поражение нашему противнику. Подумайте, говорил я партейтагу, мы воюем уже три года с буржуазными правительствами всего мира. Не меньше 18 буржуазных правительств объявляло нам за это время войну. Что сделал ваш Дитман? Представьте себе рабочих какого-либо города, которые бастуют против буржуазии месяц, два, три. Поддержка не приходит ниоткуда. Враг упорен и коварен. Съедены последние сбережения. В доме холодно и неуютно. Детишки рабочих голодны и разуты. В это время из какого-нибудь другого города появляется щеголь вроде Дитмана, смотрит, как бедно и тяжело живется бастующему рабочему, и говорит: ах, это мне совсем не нравится! И после этого щеголь уходит и начинает всему честному миру рассказывать о том, как не хорошо бастовать. Разве такой человек чем-нибудь лучше, чем самый поганый штрейкбрехер? А чем роль Дитмана отличалась от роли такого щеголя?

Я говорил о тех тяготах и лишениях, которые выпали на долю русских рабочих за эти три года. И аудитория слушала с самым горячим и братским сочувствием. Многие товарищи говорили мне потом, что видели ряд пожилых делегатов, которые плакали в этом месте речи.

Моральная победа Коммунистического Интернационала над противником была вне споров. Левая на съезде и многочисленные рабочие на хорах тор-

жествовали полную победу и бурно выражали свой восторг. Правые по окончании моей речи сначала сидели безмолвно, потом, крадучись, стали подниматься и тихо выходить из зала. Тут же по окончании речи стали подходить отдельные делегаты рабочие, сидевшие на правой стороне, и заявлять о том, что они переходят к нам. Адольф Гофман подвел ко мне молодую учительницу—делегатку съезда, кажется, по фамилии Бок, редакторшу одной из провинциальных газет, которая со слезами на глазах тут же заявила, что она до сих пор колебалась, а теперь переходит на нашу сторону. Многие рабочие, по словам наших товарищей, подходили к Криспину и Дитману и злобно говорили им: как же вы лгали до сих пор на них (т.-е. на нас, русских большевиков)! Часть правых делегатов явно была поколеблена в нашу сторону. Председатель левых, тов. Брасс, который больше всего имел знакомств в правой фракции, уверял нас в тот же вечер, что фракция правых после моей речи заседала уже двумя отдельными группами. Хотя эти группы впоследствии усилиями правых вождей все-таки воссоединились, но трещина осталась.

Левая выросла не только численно, она выросла морально. Она еще больше сплотилась и еще глубже почувствовала всю правоту нашего дела. В этот вечер Коммунистический Интернационал добился того, что левая часть партии Независимых окончательно превратилась в коммунистическую партию. И в этот же вечер началось разложение новорожденной партии правых Независимых. В этой новорожденной партии правых Независимых сразу образовалось новое левое крыло. Людвиг, г-жа Вурм и

некоторые другие назывались как вожди этого левого крыла внутри правых. При некоторых уступках нам, может быть, удалось бы сразу завоевать на свою сторону это колеблющееся левое крыло правых. Но мы предпочли не делать этого. Пусть этот шаткий элемент лучше остается в партии правых Независимых. Наша партия должна быть крепка, как скала, и тверда, как кремень. И она будет таковой.

Моя речь удостоилась величайших похвал из уст противников. Местные буржуазные газеты писали, что речь произвела «демоническое» влияние на съезд. Эту характеристику перепечатали все буржуазные газеты. Все центральные органы буржуазии, выходящие в Берлине (к этому времени стачка кончилась, и газеты стали выходить), как «Берлинер Тагеблат», «Дейтше Тагес-Цейтунг», «Фоссише-Цейтунг» и другие, дали самые хвалебные отзывы об ораторской стороне речи. «Форвертс», орган шейдемановцев, охарактеризовал речь как «первоклассную», «Фрейхейт», орган правых Независимых, назвала ее внешне-блистательной, «Лейпцигер Фолькс-Цейтунг», самый правый орган правых Независимых, расщедрилась настолько, что заявила, что следует воздать должное и противнику, который является, будто бы, «первым оратором нашего столетия». Корреспондент финской консервативной газеты телеграфировал в финляндскую прессу, что я «околдовал» съезд. В похвалах речи со стороны ее ораторских достоинств недостатка не было. Хвалили чересчур. Зато тут же подготовлялась бешеная кампания по существу речи. Об этом — позже.

Еще полтора дня арьергардных боев. Наконец наступил решающий момент на съезде. Голосование

по существу вопроса дало нам почти $^2/_3$ голосов. Тогда встает Криспин и делает следующее заявление, являющееся образцом наглости, тупоумия и беспомощности. Криспин заявляет от имени Центрального Комитета старого состава (кстати сказать, на это заседание Центрального Комитета старого состава даже не были приглашены левые его члены, составляющие почти половину Ц. К.), что своим голосованием съезд будто бы постановил перейти в другую партию, т.-е. в союз спартаковцев. А так как, дескать, по уставу партии Независимых ни один член партии не может быть одновременно членом другой партии, то этим самым большинство съезда поставило себя вне партии. На этом основании Центральный Комитет старого состава объявляет всю левую половину *вне партии*. Правых приглашают покинуть зал заседания, и они отправляются в другое место для продолжения работ съезда.

Это заявление вызвало бурю негодования со стороны левого большинства съезда. Особенно волновались хоры, битком набитые рабочими. Рабочие прямо угрожали кулаками Криспину и К°. Если бы наши левые друзья не употребили все усилия, чтобы сдержать массы, дело дошло бы прямо до физического столкновения. Заявление Криспина было как нельзя более на руку *нам*. Ничего лучшего для нас нельзя было себе и представить. Подумайте только! Эти люди кричали на всю Европу об их приверженности к партийному демократизму, эти люди божились на всех перекрестках, что не идут в III Интернационал только потому, что III Интернационал хочет нарушить какие-то интересы германской партии, эти люди обвиняли в раскольни-

ческих тенденциях нас, вопили о диктаторстве большевиков. И что же? Когда собрался *ими же* созванный съезд на основании *ими же* выработанного регламента, после того как *ими же* все мандаты были признаны правильными, когда Центральный Комитет согласно всем законам божеским и человеческим уже больше не существовал (Центральный Комитет по существу представляет партию только во время *отсутствия* съезда; когда же заседает съезд, съезд является суверенным), и после всего этого поднимается человек, говорящий от имени шести членов Центрального Комитета, и заявляет, что он объявляет большинство партии вне партии! Большего надругательства над принципами партийного демократизма, большего саморазоблачения нельзя было себе и представить. Теперь каждый рядовой рабочий, которого Криспин и К° улавливали тем, что якобы защищали автономию, которую кто-то будто бы хотел нарушить, поймет простой и ясный факт: когда громадное большинство партии вынесло свое решение, тогда партийная бюрократия, оставшись в меньшинстве на съезде, сорвала решение съезда партии, ушла со съезда, захватив редакции, народные дома, партийную кассу, опираясь при этом на буржуазную полицию и суд. Этим шагом правые Независимые сами уничтожили последние остатки доверия, которые к ним питали еще некоторые слои рабочих.

Долго не забуду того момента, когда правая часть съезда покидала съезд. Переполненные рабочими хоры грозят кулаками уходящим и шлют проклятия по их адресу. Левые торжественно с подъемом пели «Интернационал». Из правых часть уходила по-

нуря голову, другая часть надменно и нахально смотрела в сторону большинства. Это идет шайка Дисмановских головорезов, будущие большие и маленькие Носке. У многих из нас невольно сжимаются кулаки.

Правые ушли. Мы избавились от агентов капитала, мы остались в своей семье. Воздух очистился. Съезд продолжается.

Переворачивается новая и, пожалуй, важнейшая страница в истории рабочего движения в Германии и всего мира. Ныне отпущаеши! Саботажники пролетарской революции, по крайней мере, не будут сидеть в нашем собственном доме. Как живо все это напоминает наш раскол с меньшевиками! Тот же общественный слой, те же аргументы, та же злоба на лицах у господ интеллигентов, изгоняемых рабочими из пролетарской партии, те же перекошенные физиономии, те же пренебрежительные позы. Будем надеяться, что и результат будет тот же. Пролетарская партия в Германии окрепнет, мелкобуржуазная интеллигенция, рядившаяся в тогу социализма, будет раздавлена между молотом и наковальней. Часть уйдет прямо к буржуазии, другая — лучшая часть — через некоторое время вернется в отчий дом.

Что ни говори, а германский пролетариат все-таки первый в Европе оправился от неслыханного кризиса и сомкнул ряды. Сказалась старая школа. Работа лучших германских революционеровъ не пропала даром. Массовая коммунистическая партия в Германии родилась. Это повлечет за собою последствия громадного исторического размаха.

Раскол произошел в субботу вечером. Поздно в ту же ночь мы уехали в Берлин. В воскресенье утром в Берлине в одном из громаднейших зал Берлина было назначено собрание. Я должен был говорить там на тему «Правда о Советской России». Собрание это несколько дней тому назад было разрешено властями. К несчастью, мне не довелось выступить на этом собрании. Я простудился в Галле, охрип настолько, что не мог произнести ни одного слова. В воскресенье утром я встал с повышенной температурой, и сначала мы решили, что я никуда не выйду, так как все равно говорить не могу. На собрании меня должны были заменить другие ораторы. Но через полчаса после начала собрания, с места заседания приехала группа рабочих с настоятельной просьбой, чтобы я приехал хотя бы только «показаться» собравшимся. Отказаться было невозможно и, хотя я чувствовал себя крайне плохо, пришлось поехать.

За три года нашей революции мне пришлось видеть не одно достаточно внушительное рабочее собрание, но такие собрания, какое состоялось в «Нейе Вельт», мне приходилось видеть очень редко. Колоссальный зал битком набитый, яблоку негде

упасть, галлереи полны, повсюду висят гроздья человеческих тел. Человеческая волна продолжала еще прибывать. Когда мы приехали на собрание, тов. Мейер делал свой доклад; председатель прервал его, сообщил о моем приезде, и вывел меня на трибуну. Громовая овация продолжалась очень долго. Никогда в своей жизни не жалел я так о том, что не могу говорить, как в этот момент. Настолько величественным, мощным был этот насквозь пролетарский по составу зал и настолько братски тянулся он к нам, что трудно мне сейчас передать те чувства горячей симпатии к собравшимся, которые испытывал я. Необычная роль молчащего оратора сама по себе, конечно, была мне не слишком приятна. Но горячая волна братского сочувствия, которая понеслась из зала, была настолько изумительной, что я долго сохраню в душе своей воспоминание об этом моменте.

Когда мы ехали на собрание, товарищи указывали мне на расклеенные по всем улицам красные записки, многие из которых были наклеены поверх объявлений о моем собрании. Это были записки, выпущенные анти-большевистской Лигой. Они содержали самые недвусмысленные угрозы по моему адресу. Там же около собрания какие-то молодцы раздавали воззвания, направленные против меня, в которых говорилось—отголосок речи Мартова—что я являюсь «убийцей меньшевиков». При этом пояснялось, что русские меньшевики это то же самое, что правые Независимые и члены социал-демократической партии в Германии.

Вот текст и перевод того воззвания, которое раздавалось в Берлине 16—17 октября 1920 года:

Sonntag, den 17. Oktober 1920, ½10 Uhr
spricht in der Hasenheide

SINOWJEW
der
MENSCHEWIKI-SCHLÄCHTER

(Menschewiki entsprechen den U. S. P. D. rechter Flügel und S.P.D.)
Deutsche Arbeiter, erscheint in Massen, um den Mörder Eurer proletarischen russischen Brüder zu begrüssen.

В переводе на русский язык это означает: «В воскресенье 17 октября 1920 года в девять с половиной часов утра в помещении «Хазен-Хейде» выступает Г. Зиновьев, убийца меньшевиков (меньшевики есть то же самое, что правое крыло Независимой партии и социал-демократическая партия в Германии). Германские рабочие, приходите массами, чтобы приветствовать убийцу ваших братьев, русских пролетариев!»

Молодцы, пытавшиеся раздавать листки, были избиты...

Мы с товарищами скоро покинули зал заседания, так как мое недомогание становилось все сильнее.

Не успел я вернуться домой, как в комнату, где я жил, вошли три представителя «политической полиции» и объявили мне, что они имеют приказ привести меня немедленно в полицей-президиум. Находившийся у моей постели врач запротестовал против того, чтобы меня возили больного. Начались долгие переговоры по телефону. Вмешался представитель Советского Правительства в Берлине, приехал также член Центрального Комитета правых Независимых, адвокат Курт Розенфельд, который принимал участие в переговорах о разрешении мне въезда в Германию. Два стража все время находились у моих дверей. Наконец удалось добиться того, чтобы меня в полицей-президиум не возили, а на дом сообщили то решение, которое мне имели объявить.

Объявить решение приехал сановный «комиссар» из социал-демократов. Он был очень вежлив и торжествен. Он как бы священнодействовал, стараясь свято выполнить все формальности. Он начал с вопроса, сколько мне лет, грамотен ли я и т. п.

Решение заключалось в том, что я, как «лестигер ауслендер» (эта классическая формула, унаследованная германской республикой у Вильгельма Кровавого, означает: иностранец, который стал обременителен для страны), высылаюсь из пределов Германии. Мне запрещались какие бы то ни было вы-

ступления на собраниях и мне запрещалось также выходить из моей комнаты, разговаривать по телефону и давать какие бы то ни было интервью. Принимать посетителей мне *не* запрещалось. Продолжительную дискуссию вызвал вопрос о том, в каком порядке я буду посещать уборную. Сначала представитель высокого учреждения (полицей-президиум) настаивал на том, что каждый раз, раньше, чем отправиться в уборную, я должен специально предупредить об этом «чиновника» (этим нежным именем назывался шпик) и лишь после того, как этот последний даст согласие, я могу отправиться. Впоследствии комиссар, ведший эти переговоры (мне сказали, что он—социал-демократ), набравшись храбрости, сказал: в конце-концов, чему быть, того не миновать, он берет дело на свой страх и риск (ауф мейне ейгене каппэ), и в уборную мне можно ходить «соло», т.-е. в «революционном» порядке, не предупреждая об этом соответствующего шпика. Этот «комиссар», кажется, искренно считал при этом, что он совершает революционный поступок...

Передо мной был выбор: отказаться подчиниться этим распоряжениям, заявить, что я ставлю себя под защиту берлинских рабочих, и тем вызвать всеобщую стачку в Берлине, которая несомненно последовала бы на завтра же, или отказаться в данное время от конфликта и подчиниться грубому насилию. Посоветовавшись с друзьями, я избрал второе. В пользу этого решения у меня было два соображения: во-первых, я не хотел, чтобы в момент, когда партия еще не успела сорганизоваться, она пошла бы на конфликт из-за меня, конфликт, который очень легко мог разрастись в серьезнейшее

столкновение; во-вторых, у меня был назначен в Берлине целый ряд деловых свиданий с представителями более чем десятка коммунистических партий разных стран, и я надеялся (эта надежда вполне оправдалась), что мне, несмотря ни на что, удастся эти деловые свидания осуществить.

Еще вчера ночью в Галле я был легальным человеком. Сегодня на утро я оказался сидящим под домашним арестом, охраняемый дюжинами шпиков, находившихся на улице, у входа, на ступенях лестницы и т. д. При этом у меня было одно единственное утешение: как мне говорили, большинство этих шпиков являются шейдемановцами, стало быть членами II Интернационала. Это все-таки лестно для коммунистического бунтовщика.

Вся стоустая германская печать, как бы по какому-то одному сигналу, начала самую бешеную травлю против меня. Эта свистопляска в печати продолжалась целую неделю. Вся печать, начиная от «Фрейхейт», органа правых Независимых, и кончая «Дейтше Тагес-Цейтунг», органом черносотенных бандитов, и «Оргеша», уцепились за то место моей речи о терроре, о котором я говорил выше. Все обвинения, которые Мартов бросал по адресу большевиков вообще и по моему адресу в частности, были перепечатаны на самом почетном месте во всех черносотенных и буржуазных газетах. Буржуазные газеты кричали, что меня мало выслать, что мое место не в гостинице под охраной чиновников политической полиции, а—«на фонаре». «Дейтше Тагес-Цейтунг» прямо призывала к убийству. Атмосфера сгустилась настолько, что совершенно напоминала июльские дни 1917 года в Питере. В газетах,

на улицах, в трамваях, в театрах, всюду только и было разговору, что об этом проклятом «деспоте» и «диктаторе», который явился в Германию для того, чтобы призывать к поголовному избиению буржуазии. Газетки русских белогвардейцев, издающиеся в Берлине, подливали масла в огонь. «Факты», сообщенные Мартовым, обсасывались со всех сторон и еще преувеличивались и округлялись. Вся германская печать в эти дни представляла один сплошной истерический контр-революционный вой озверелых бандитов против меня. Местные товарищи уверяли, что травля была совершенно такой же, если не большей, как дикая травля по адресу Карла Либкнехта и Розы Люксембург в январские дни 1919 года. Одна только газета германских коммунистов «Ротэ Фанэ» мужественно отбивала бешеные атаки обезумевших от ненависти и страха контр-революционеров. Прием, оказанный моей речи в рабочих кругах, где речь моя стала жадно комментироваться на завтра же после ее произнесения, заставил противников пролетарской революции увидеть перед собой вплотную призрак коммунизма. И не было конца злопыхательству и ненависти, грязи и помоям, которые лились со страниц всей германской печати в эти дни.

Наши германские друзья сочли необходимым принять свои меры. Они усилили охрану той улицы, где находилась наша гостиница, поселили в самой гостинице целый ряд надежных товарищей и приняли много других серьезных мер для вооруженной обороны, если бы дело дошло до прямого нападения.

Некоторые меры охраны были приняты германскими рабочими и в Галле. Там мы относились к

этим мерам шутливо и находили, что наши друзья несколько увлекаются. Когда я зашел в свою комнату в четвертом этаже в Галле, я увидел какую-то непонятную проволоку посредине стены. При этом товарищи таинственно сообщили мне, что эта проволока идет с улицы, и что они сделали ее для того, чтобы, в случае опасности на улице, проволоку можно было бы потянуть и тогда звонком дать мне знать об угрожающей опасности. Эта мера, конечно, была наивна. Но принятые в Берлине меры, пожалуй, далеко не были излишни. Такой вакханалии бешенства и травли мы с июльских дней 17 года не запомним.

Лганье про Советскую Россию достигло в Германии в эти дни невероятных размеров. Правда, мы вообще несколько отвыкли от так называемой «свободы печати». «Свобода печати» в счастливой, «свободной» германской республике означает вот что: если взять, например, Берлин, то это означает, что банкиры, генералы, фабриканты издают каждый день 34 больших газеты. Рабочие, даже если считать рабочими газетами органы шейдемановцев и гильфердинговцев, издают ежедневно только три газеты. На самом деле мы имеем в Берлине лишь одну действительно рабочую газету: «Красное Знамя», орган коммунистов. «Свобода печати» в Германии — это означает, что рабочие сидят *без* своих газет, *без* типографий, *без* бумаги, а все лучшие печатные станки работают на буржуазию.

В последние недели буржуазия всего мира повела новую усиленную кампанию клеветы против Советской России. Теперь ясно, что это была часть военного плана Антанты, ставившей ставку на барона

Врангеля. Но в Германии, в связи с нашим приездом, эта кампания клеветы стала особенно виртуозной.

Иногда спрашиваешь себя: зачем люди три года изо дня в день лгут? Ведь наверно им совершенно перестали верить! Но это на самом деле не совсем так. Человек, изо дня в день читающий эту тонко пропагандируемую ложь, поневоле начинает поддаваться ей. Возьмем, хотя бы, нашу делегацию. Мы, разумеется, достаточно знали и раньше, что буржуазная печать лжет на Советскую Россию. Мы были в Германии всего каких-нибудь несколько дней. И все-таки, когда во всех газетах читаешь «выдержки» из московской «Правды» (впоследствии эти выдержки оказались фальшивыми) о том или другом событии на фронте, поневоле начинаешь думать, что тут есть доля правды. Фальшивомонетчики буржуазных газет свою подделку выполняют артистически. Знаменитую «выдержку» из московской «Правды» о мнимом переходе тов. Буденного к белым буржуазные газеты подделали чрезвычайно тонко. И так во всем.

Рабочие, конечно, не верят буржуазной печати. Они знают, что буржуазная печать лжет на Советскую Россию. Но все-таки нечего скрывать от себя: буржуазия чрезвычайно умело и, можно сказать, талантливо пользуется тем главнейшим орудием, которое еще осталось в ее руках: «свобода печати». Одной из главнейших наших задач за границей является—поставить свою ежедневную, планомерную информацию рабочих обо всем, что происходит в России.

*

Через пару дней открылась сессия германского рейхстага. Правые Независимые внесли запрос по поводу моей высылки и высылки товарища Лозовского. Фракция левых Независимых и коммунистов не в состоянии была внести запрос, так как им не хватало нужного количества подписей. Правые Независимые, увидев, что они зашли слишком далеко в своей травле, решили отыграться на том, что заявят благочестивый протест в форме запроса в рейхстаге. Запрос был внесен и послужил поводом для интереснейшей политической дискуссии, которая, как нельзя более четко, обрисовала политическую физиономию каждой из партий.

Обсуждение этого запроса заняло целый день. Все газеты в течение двух дней были полны отчетами о парламентских прениях, которые назвали «большевистскими». Запрос от имени правых Независимых с юридической стороны защищал Розенфельд, с политической Ледебур. В этой речи Ледебур бросил свою бесстыдную фразу о том, что германские коммунисты будто бы имеют свою центральную комиссию «по организации убийств».

Не безынтересно было выступление шейдемановцев. Парламентская фракция социал-демократов большинства поручила выступление от ее имени по этому вопросу Эдуарду Бернштейну. Этот ста-

рый греховодник оппортунизма решил взять на себя эту грязную работу. Бернштейн выступил против правых Независимых, т.-е. против их предложения сделать запрос правительству. Мы стоим, сказал он, за то, чтобы Германия была свободной республикой, мы стоим за право убежища для иностранцев, но... но это право убежища должно даваться не угнетателям, а угнетенным. И так как представитель Коммунистического Интернационала является угнетателем, то его из Германии следует выслать. Другое дело — Мартов: он является представителем угнетенных.

С этой постановкой вопроса, данной социал-демократом Бернштейном, все белогвардейцы согласились. И представители черносотенного «Оргеша», находящиеся в германском рейхстаге, и черносотенный депутат-националист Вулле, кричавший, что меня надо повесить на фонаре, тотчас же усвоили мудрую постановку вопроса, данную Бернштейном. Все банкиры, помещики, черносотенные генералы, владеющие теперь германским рейхстагом, моментально согласились с Бернштейном в том, что Мартов является угнетенным, а я, многогрешный, угнетателем. И Мартов тотчас же был взят под высокое покровительство черносотенного большинства германского рейхстага. Моя же высылка тем самым большинством была одобрена.

Бернштейн говорил: право убежища давать надо; давать пристанище человеку из другой страны это — святое право. И в моей дорогой свободной германской республике право убежища обязательно *должно* существовать, без этого нет демократии. *Но*... тут начинается маленькое «но» — но право убежища

должно существовать для людей угнетенных, а не для угнетателей. А этот приехавший из Петрограда Зиновьев, он—угнетатель. Другое дело мой почтенный друг Мартов, это—угнетенный человек, его угнетают Зиновьев и партия большевиков, ему мы *должны* дать право убежища».

Весь буржуазный рейхстаг встал и устроил овацию папаше оппортунистов г-ну Бернштейну. И все повторяли: вот это правильно, вот это мы понимаем! Мартову право убежища мы гарантируем, это—угнетенный человек.

Спрашивается, какую награду дать этим людям за то, что *они* так великолепно открыли глаза народу. Чего другого мы могли желать? Белогвардейцы всей Германии, все буржуазно-помещичьи партии, все черносотенные группы Германии встают, нежно берут под ручку Мартова и говорят: наш дорогой, угнетенный друг, пойдем к нам, мы тебя защитим, а представитель петроградских и других рабочих России это—угнетатель.

Это поистине картина для богов! Лучшей агитации нам не надо. Что может быть яснее и нагляднее этого: Мартов, разгуливающий под ручку с Вуллем, с белогвардейскими офицерами, с покровителями убийц Карла Либкнехта! И вся почтенная компания при этом хором заявляет: «мы угнетенные»! Большей ясности нельзя было создать. Если германская буржуазия говорит: «Мартов—мой, приди в мои объятья»,—она *знает*, что̀ говорит. Действительно, меньшевики *должны* притти в объятья европейской буржуазии. Рыбак рыбака видит издалека...

Незадолго до приезда моего в Берлин в Берлине состоялась конференция русских белогвардейцев.

Это—бывшие купцы, банкиры, хозяйчики, подхалимы буржуазии, адвокаты, которые теперь за ненадобностью в России находятся там. Их в Берлине, говорят, около 200.000. Они все чувствуют себя «угнетенными», потому что не могут сидеть в Питере на шее у рабочих. Они собрали конференцию и выработали «тезисы». И крайне ценно познакомиться с этими «тезисами», которые мы опубликуем. Белогвардейцы в Берлине решили, что Советскую власть нельзя свалить при помощи одного оружия: сколько ни посылай белых армий, еще хуже выходит. Надо, дескать, действовать *агитацией*. И все эти банкиры наскоро перестраивают свои ряды и хотят стать агитаторами. Они говорят: надо агитацию вести так, чтобы главным образом налегать на продовольственный вопрос, на хлебную монополию, надо обращаться к рабочим и указывать на то, что большевики их превратили в рабов, прикрепили к заводам; надо указывать крестьянам, что у них отбирают лошадей и проч. Когда читаешь эту вещь, не видишь еще заглавия и не знаешь еще, кто вырабатывал эти «тезисы», то можно вполне подумать, что «тезисы» вырабатывала фракция меньшевиков в Петрограде или Москве—Мартов, Дан и К°. На деле их вырабатывали Гучков, бывшие царские министры, нововременцы, всякая белогвардейская шваль, собравшаяся в Берлине. Неизвестно, кто кому подсказывал—Мартов Гучкову, или Гучков—Мартову...

Но вернемся к прениям в рейхстаге.

От имени фракции левых Независимых по этому вопросу выступал товарищ Кённен. Он приветствовал присутствие представителя Коммунистического Интернационала на германской территории и выска-

зал надежду, что близко время, когда никто в Германии не посмеет посягнуть на представителя Коммунистического Интернационала. В ответ на дикую свистопляску и рев, поднятый черносотенной бандой, Кённен бросил им фразу: ваш хриплый лай не достигнет и носков ботинок того человека, на которого вы лаете. В почтенном парламенте после этих слов поднялся невообразимый шум. Правые в виде протеста покинули зал заседания. Социал-демократы остались, но вступили в перебранку с нашими товарищами. Паулю Леви слово не было дано.

В заключительном слове докладчик Ледебур полемизировал не против черносотенцев, а—против нас и левых Независимцев, пожиная одобрение всей буржуазной банды.

Нам поистине нечего жалеть по поводу происшедшего. Запрос и дискуссия по нем дали всем германским рабочим чрезвычайно поучительный материал для размышления. На завтра после запроса даже шейдемановский «Форвертс» в передовой статье должен был меланхолически заметить, что репрессии против нас с т. Лозовским только подняли престиж большевизма. Министр иностранных дел Симонс был как будто против высылки. В рейхстаге, отвечая на запрос, он старался быть вежливым и корректно оплакивал тот факт, что высылкой нас с Лозовским несколько омрачатся отношения Германии с Советской Россией. Меня грешного он обвинял лишь в том, что я в своей речи оказался на «грани» того, что является преступлением против германских законов и что наказуемо на германской территории. Главный начальник по делам печати, которого Симонс послал в Галле, чтобы он реферировал мою

речь, доложил ему, что эта речь была открытым призывом к ниспровержению основ. Кённен в ответ на это прочел длинную цитату из моей речи о терроре, вызвавшую новые припадки бешенства у господ буржуа.

Высылка непосредственно исходила от прусского министра внутренних дел, *социал-демократа* Зеверинга, и от берлинского полицей-президента, *социал-демократа* Рихтера. Юридически дело касалось только прусского правительства, по существу же вопрос обсуждался в соединенном заседании общегерманского и прусского кабинетов министров. Буржуазные организации в специальных петициях требовали моей высылки. Инициатива высылки принадлежала, как говорят, министру юстиции, «демократу» Коху и, разумеется, социал-демократам Зевериигу и Рихтеру. В моем прощальном письме, обращенном к германским рабочим, я выразил сердечную благодарность социал-демократам Зеверингу и Рихтеру за то, что они дали такое великолепное подтверждение моим словам в Галле о том, что некоторые желтые вожди профессиональных союзов (и Зеверинг и Рихтер являются старыми профессиональными бюрократами) гораздо вреднее и подлее, чем даже белогвардейцы из «Оргеша». Долг платежем красен. Я считаю, что этим своим выражением благодарности мы вполне расквитались с «товарищами» Зеверингом и Рихтером...

Первый пароход из Штеттина, на котором только и можно было уехать в Россию, уходил 23 октября. Германские власти поневоле должны были мириться с тем, что мы останемся в Германии до 23 октября. Однако «товарищи» из полицей-президиума продол-

жали все больше и больше нервничать. 21 октября в 6 часов утра я проснулся в своей комнатке, разбуженный каким-то плотным и весьма благообразным господином. Оказалось, что это какой-то новый полицейский комиссар, дотоле мне еще неизвестный, тоже из «социал-демократов». Сей почтенный «товарищ» кратко объяснил мне, что получен приказ о том, чтобы в 9 часов утра с первым отходящим поездом отправить меня в Штеттин, вопреки обещаниям прусского министра внутренних дел «товарища» Зеверинга. Это было уже слишком. Наши товарищи особенно возмутились тем, что нас с т. Лозовским собирались везти не быстрым, а медленным поездом, который останавливается на каждой маленькой станции. В этом плане наши товарищи видели (не знаю, справедливо, или нет) попытку создать такую обстановку, при которой на каждой маленькой станции нас могла подкараулить какая-нибудь пакость.

Благодаря вмешательству Розенфельда эта мера была отменена, и мне милостиво было предоставлено право оставаться в Берлине до 23 октября и отправиться в Штеттин (конечно, под бдительной охраной шпиков) не медленным, а быстрым поездом. При этом «товарищ» Зеверинг жаловался на то, что шаг, предпринятый шпиками, сделан без него и вопреки его желанию. 23 утром мы с товарищами отправились из Берлина. Вокзал кишел шпионами. Берлинские старожилы, видавшие виды, уверяли, что такой массовой мобилизации шпиков никогда еще не было. В Штеттине на вокзале то же самое: расставлены солдаты, шпики ходят и показывают этим солдатам пальцем на меня и Лозовского, имея

явное желание принести нам как можно больше неприятностей. Благодаря вмешательству товарищей Адольфа Гофмана и Пауля Леви, сопровождавших нас до Штеттина вместе с рядом других товарищей, дело обошлось сравнительно благополучно. В последнюю минуту на пароход ввалилась ватага представителей водной полиции, которая намеревалась причинить еще как можно больше новых неприятностей. Благодаря вмешательству того же Адольфа Гофмана, дело однако и здесь обошлось благополучно. Пароход отчаливает. Рабочие и моряки, желавшие устроить проводы, должны были остаться дома. Мы сами просили их об этом, дабы не доводить дело до столкновения с «оргешами». На пристани собралось только несколько кучек рабочих и моряков. В последнюю минуту они не могут удержаться — раздаются пение «Интернационала», крики «ура», «революционные возгласы». В Свинемюнде (в четырех часах от Штеттина) специальное полицейское судно подъехало к нашему пароходу, чтобы убедиться в том, что мы действительно уезжаем из Германии. На этом кончилось наше знакомство со всевозможными представителями германских властей.

Шесть дней просидел я под домашним арестом, охраняемый дорогими «товарищами» шпионами, посланниками «товарищей» Зеверинга и Рихтера. Время однако не пропало даром. Мне были разрешены посещения, и этим правом я воспользовался достаточно широко. Пожалуй, никогда еще я не принимал такого большого количества товарищей, как именно в эти дни невольного отдыха. За эти дни ко мне приезжали представители коммунистических и социалистических партий следующих стран: Франции, Италии, Австрии, Чехо-Словакии, Норвегии, Швеции, Дании, Финляндии, Люксембурга, Швейцарии, Болгарии и Голландии. Некоторые из делегаций состояли из четырех-пяти человек. С каждой из этих делегаций приходилось подробно беседовать. Вышло нечто вроде международной конференции. Кроме того, я непрестанно виделся с германскими товарищами из К. П. Д. (германская коммунистическая партия), с У. С. П. Д. (левые Независимые) и К. А. П. Д. (германская коммунистическая рабочая партия). В моей комнате произошло не одно соединенное заседание 2-х Центральных Комитетов К. П. Д. и У. С. П. Д. Время не пропало даром, и за это я мог бы еще раз выразить благодарность «товарищам» Зеверингу и Рихтеру.

Германский быт мне почти не пришлось наблюдать. Только мимолетные впечатления! Первое впечатление на вокзалах и на улицах: довольно

оживленно, несравненно оживленнее, чем у нас в Питере и в Советской России вообще. Но когда вглядишься, кто составляет эту толпу, вносящую оживление, то видишь ясно всюду и везде одно и то же,—это не рабочий, не работница, это не трудящееся бедное население, это определенно узкий слой спекулянтов, богачей, их наложниц, прихлебателей, лакеев. Детей почти не видно на улицах, особенно детей рабочих. Лица у рабочих желтые и больные. На улицах городов безумная роскошь, превосходные магазины, в которых есть все, но которые, разумеется, абсолютно не доступны ни одному рабочему. В рабочих кварталах также процветает «свободная торговля» и спекуляция, но сколько-нибудь солидного магазина нет и в помине, на целую улицу—одна захудалая, плохенькая лавченка. В рабочих кварталах некому покупать—дело объясняется очень просто!

Я спрашивал многочисленных рабочих на партейтаге, как живет рабочий в Германии сейчас: хуже или лучше, чем до войны? И общий ответ был: несомненно *хуже*, чем до войны. Средний заработок рабочего—250 марок в неделю, есть такие, которые зарабатывают и 220—230 марок в неделю. Цены при этом бешеные. О покупке мяса не может быть и речи. Хлеб получается не в достаточном количестве. Нормированная торговля почти уничтожена—под давлением спекулянтов и барышников. Теперь всякий буржуа имеет в Германии невозбранное право «свободы спекуляции», выжимания пота, а рабочие имеют невозбранное право—свободно голодать. Рабочему, говорили мне товарищи, не во что одеться, нет рубашки, старое белье

износилось, не во что одеть детей, жилищные условия, особенно в крупных городах, ужасны. Безработица увеличивается с каждым днем, доходя до сотен тысяч. Те рабочие, которые еще не совсем лишились работы, большей частью работают только три дня в неделю, и, стало быть, вырабатывают половину заработка, о котором мы говорили выше.

Движение безработных нарастает с каждым днем. Правительство до сих пор не решалось прибегать к репрессиям, но в последнее время явно готовится перейти к ним. В то воскресенье, когда мы были в Берлине в «Нейе Вельт», на улице была небольшая, но жуткая демонстрация слепых мужчин и женщин в несколько сот человек. И вот две сотни вооруженных с ног до головы солдат рейхсвера и полиции окружили эту толпу и стали арестовывать и избивать участников демонстрации. Старую и больную женщину, которая несла флажек с надписью: «мы требуем обратить внимание на слепых», тут же арестовали, грубо вырвав флажек из ее рук.

Первое, что бросается в глаза в современной Германии, это—необычайная пестрота. Вы не можете сказать точно, какой собственно политический строй господствует сейчас в Германии. Что такое Германия сейчас? Республика? Если республика, то какая—буржуазная или пролетарская или генеральская республика? Или мы видим там своеобразные остатки старой монархии? Мне довелось встречать в публичных учреждениях и сейчас на самом видном месте портрет Вильгельма II. И это не режет глаз никому. Среди «порядочных» людей считается, что Вильгельм пострадал несправедливо; буржуазия

сохраняет все свое уважение к этому монарху, и его портрет продолжает красоваться.

Вместе с тем положение чрезвычайно различное в отдельных частях Германии. Например, в Баварии и в ее столице Мюнхене господствует сейчас самая злейшая реакция, между тем как в Пруссии и в ее столице Берлине сравнительно более свободные порядки. В Пруссии, в Берлине коммунисты могут выпускать одну свою газету «Красное Знамя». В Баварии об этом не может быть и речи. Там арестовывают каждого коммуниста, там арестовывают левых Независимых, там совершенно открыто и невозбранно создаются белогвардейские шайки. И еще пару недель тому назад в Берлине было очень тревожно, и многие считали, что из Мюнхена белая гвардия пойдет на Берлин, чтобы повторить Капповскую историю. Бавария с Мюнхеном является сейчас оплотом белогвардейской реакции. И если в ближайшем будущем будет новый поход на Берлин вроде того, который был весною этого года во время восстания Каппа, то, несомненно, это выйдет из Баварии, которая в данную минуту является чем-то вроде земли обетованной для всей германской белогвардейщины.

Но пестрота идет дальше; не только в отдельных областях Германии, но и в отдельных городах Германии положение совершенно различное. Нынешнее буржуазно-меньшевистское правительство является до известной степени только ширмой, а на самом деле власть в каждом отдельном городе держат те, которые успели ее захватить. В Германии есть даже отдельные небольшие оазисы, где и сейчас фактическая власть принадлежит рабочим. Есть

отдельные пункты, создавшие свои отдельные республички — более или менее свободные. Но рядом с этим мы видим много городов, которые целиком находятся в руках белогвардейцев, не желающих слушаться даже своего собственного буржуазного берлинского правительства и ведущих свою собственную политику. Отдельные города имеют свои собственные местные деньги. В Гамбурге не принимают местных берлинских денег,—и наоборот.

Вся эта картина говорит за то, что положение в Германии ни в коем случае нельзя признать сколько-нибудь устойчивым. Германские меньшевики из партии Носке и Шейдемана говорят это открыто, а германские меньшевики из партии правых Независимых, которых, наконец, рабочие выгнали из своей среды, говорят это полуоткрыто: они держатся того мнения, что революция уже прошла, а теперь наступает-де известное устойчивое равновесие. На самом деле этого нет и в помине. Никакого равновесия нет. Какое к чорту равновесие! То, что переживает Германия, есть некоторое междуцарствие, из которого возможен выход в *две* стороны: либо в сторону полной победы помещиков и, таким образом, восстановления монархии (ибо помещики спят и во сне видят Вильгельма снова монархом), либо выход другой—полу-революцию 1918 года, революцию, испоганенную и опаскуженную меньшевиками, продавшимися буржуазии, рабочие превратят в исходный пункт для действительно победоносной пролетарской революции. И то, что теперь происходит, это—подпочвенная борьба, это молекулярная подготовка сил, это назревание кризиса.

В определенный момент этот кризис должен будет разразиться—в ту или в другую сторону.

Общее экономическое положение сейчас в Германии неслыханно трудное. Германия переживает полное финансовое банкротство. Если у нас в России падает цена рубля, то это очень тяжело для нас—нечего скрывать. Но у нас есть выход, у нас есть просвет. Мы говорим: мы идем навстречу тому, что *уничтожим всякие деньги*. Мы натурализуем заработную плату, мы вводим бесплатный трамвай, у нас бесплатная школа, бесплатный, хотя пока еще и худой, обед, у нас бесплатное жилище, освещение и т. д. Мы делаем это крайне медленно, в тяжелой обстановке, ибо положение Советской республики трудное. Нам приходится воевать до сих пор. Но у нас есть выход, есть надежда, есть план. Между тем в такой буржуазной стране, как Германия, где так сильно падает цена денег, где бумажное наводнение затопляет страну, где сотни миллиардов долгов, которые растут с каждой неделей,—у буржуазной Германии нет *никакой* надежды. И *никакого* выхода у современной Германии быть не может, пока там остается частная собственность и денежная система. Германия вынуждена запутываться в долгах, Германия вынуждена итти навстречу еще более полному финансовому банкротству, навстречу полному провалу: потому что буржуазный строй без сколько-нибудь устойчивой цены денег это—бессмыслица, nonsens.

Фундамент буржуазного благополучия в Германии трещит по всем швам, и это сказывается на каждом шагу.

Победители, Антанта, продолжают грабить Германию каждый день. И самое отчаянное, что есть

в положении Германии, это то, что она до сих пор даже не знает, *сколько именно* она должна Антанте. До сих пор французские и английские буржуа не хотят сказать, сколько именно они хотят содрать с Германии. В этом смысле Версальский мир гораздо хуже Брестского. В Брестском мире нам все-таки сказали, сколько мы должны были заплатить контрибуции. А французская и английская буржуазия *не хочет* до сих пор сказать немцам, сколько они должны уплатить. Победители боятся, что назовут слишком малую сумму, и предпочитают хапать «сколько влезет» и сколько можно будет выжать из Германии.

Они берут не столько деньгами, сколько натурой. Они забрали лучшие части германского транспорта, почти все грузовики, забрали все пароходы, забрали лучшие локомотивы, забрали сотни тысяч коров. На этих днях, когда мы были в Германии, всплыло новое требование от Антанты: пожалуйте 120.000 лучших коров из Германии. Это прямой грабеж. После нашего отъезда мы могли читать телеграмму: пожалуйте все дизель-моторы из Германии. Одним словом все, что находят хорошего, все, что плохо лежит, французы отбирают самым бесстыдным образом. Французские капиталисты послали в Германию настоящую ораву своих чиновников, которые являются контролерами. Германия, естественно, все прячет от Антанты: оружие, коров, моторы, пароходы. И победители, поэтому, послали целое стадо своих чиновников, чтобы это спрятанное добро найти. И вот по Берлину и по всем городам Германии шляются тысячи антантовских офицеров, шпионов, всякой швали, присланной из Франции и Англии,

для того, чтобы «контролировать». Они подкупают многих немцев для того, чтобы узнавать у них секреты, узнать, где что лежит, и потом все это вывезти, ограбить. Они издеваются над германским народом и даже над германскими капиталистами самым бесстыдным образом. Любая группа французских офицеров, посланных как контролеры в Германию, могут притти в Берлине в министерство и сказать:—очистите ваше помещение, оно нужно нам, французским офицерам.

В таком положении находится буржуазная Германия.

И само собою понятно, что и это должно революционизировать Германию. Германские капиталисты стараются проползти ужом. Они говорят: я отдам французскому капиталисту ³/₄ того, что я награбил за долгие десятилетия своего хозяйничания, но ¹/₄ я оставлю себе и буду продолжать эксплоатировать германских рабочих. И, поэтому, германские капиталисты стараются как-нибудь подлаживаться к Антанте, как-нибудь сговориться с ней. Между тем, рабочие ненавидят одинаково *и* Антанту *и* германскую буржуазию, которая сама довела страну до этого положения и которая теперь продается Антанте. Говорить о благополучии в стране, которую в любую минуту могут ограбить, отнявши у нее самое необходимое, отнявши скот, локомотивы, отнявши даже части механизмов (с фабрик вывозят все, оставляя фабрики голыми)—говорить о благополучии тут невозможно.

Рядом с этим мы видим в Германии страшнейшую безработицу. Число безработных перевалило за 500.000 человек, в одном Берлине безработных

сотня тысяч. Государство не оказывает безработным почти никакой помощи. Оно не может и не хочет оказать эту помощь. Даже те рабочие, которые работают, заняты только три дня в неделю, потому что не хватает работы, не хватает угля, не хватает сырья. Каждый кусок угля, раньше чем его выкопали, уже предназначен для Франции. Французский офицер стоит тут же над душой, чтобы нагрузить этот уголь и отправить его во Францию, где тоже такая же нужда в угле. Таким образом, безработица растет с каждым днем.

Безработные демонстрируют, требуют работы, но—работы не получают. Буржуазия все больше нервничает, арестовывает демонстрантов. Буржуазия дрожит, как осиновый лист, когда хотя бы маленькая кучка демонстрантов показывается на улице. Она знает, что все настолько наэлектризованы, что маленькая кучка может вырасти в большую уличную демонстрацию и вызвать серьезные столкновения.

Даже лучшие квалифицированные рабочие сейчас в *худшем* положении, чем во время войны. Жилищные условия отчаянно плохие, ремонта домов нет, теснота неслыханная, плата становится все выше и выше, потому что домовладельцы распоясались. Плата за предметы первой необходимости все увеличивается и увеличивается, рабочий не может купить себе рубашки. Дети рабочих находятся в самом тяжком положении. Наши делегаты отмечали один и тот же факт: в Германии детей на улицах почти не видно, ибо их загнали в подвалы, в дома. Они настолько обносились, настолько голы и разуты, что никуда не могут показаться. Рабочие в смысле экономическом переживают небывалые

страдания. И только на тех заводах, которые особенно нужны Антанте, где вырабатывается то, что нужно для Франции, только на этих заводах фабрикантам при поддержке французских капиталистов удается достать кое-что для того, чтобы подкормить рабочих.

Вот общая картина.

Безумная роскошь городов, которой пользуется небольшая кучка, ничтожное меньшинство спекулянтов только резче подчеркивает вопиющее неравенство и нищету другой, большей части населения.

Помню, поздно ночью мы приехали в Берлин. Знаменитая «Фридрихштрассе» и пересекающие ее улицы крайне оживлены и полны народа. Но кто такой этот «народ»? Исключительно спекулянты, барские сынки, офицерство Антанты и прочие жуиры! Старая знакомая картина уличной жизни богатых европейских городов! Женщины, тут же цинично продающиеся на улице. Холеные франты с тупыми физиономиями, с неслыханным цинизмом покупающие на глазах у всех этих женщин и делающие это так же «просто», как если бы они покупали трость или бутылку шампанского. Становится омерзительно. Становится обидно за человека. Неужели здесь все по-старому? Неужели долго еще будет продолжаться этот капиталистический «рай»?

Смотришь из окна на улицу. Хозяином положения является сытый, тупой, ограниченный буржуа. Вот богатые магазины, полные деликатесов. Только несколько недель тому назад стало появляться мясо и разные мясные прелести (до сих

пор мясо было нормированным продуктом). Опять старая знакомая картина. У этих окон стоит ватага подростков из бедных семей и смотрит жадными глазами на все, что выставлено там. У этих окон увидишь бедняков, которые останавливаются только для того, чтобы посмотреть и облизнуться. Тут же катит рысак, в экипаже сидит прожигатель жизни, господин буржуа. Тут же по улице увидишь в котелке или цилиндре тупые физиономии жирных купцов. Идут они и скучно и нудно переговариваются друг с другом. Вот один остановился и вынул огромные золотые часы величиной с булыжник. Посмотришь десятки буржуазных газет, которые своею ложью захлестывают всю Германию и отравляют атмосферу миазмами и разложением. Послушаешь разговоры купцов и спекулянтов в вагонах железных дорог. Разговоры только о наживе, только о «делах». Посмотришь буржуазных женщин. Как все это глупо, пошло, банально, унизительно для человеческого достоинства!...

Когда же все это кончится?! Когда же, когда же, великан, германский пролетарий, шевельнет плечами и скинет эту усевшуюся на верхушке пирамиды буржуазную шайку и ее челядь. Будь трижды проклят этот так называемый цивилизованный капиталистический мир, выхолащивающий живую душу, превращающий миллионы людей в настоящих рабов!

Но вернемся к рабочему движению в Германии. Необходимо остановиться еще несколько подробнее на том, что представляет собой Германская Коммунистическая Рабочая Партия (К. А. П. Д.). Мы знали и раньше, что в этой партии, во главе которой стояли путаники и националисты, все же есть много ценных пролетарских элементов. Мы вполне понимаем, что наши товарищи из союза спартаковцев, в пылу борьбы с «левыми» вождями К. А. П. Д. (т.-е. Германской Коммунистической Рабочей Партии), должны были перегнуть палку и должны были быть непримиримыми. Но, с точки зрения Интернационала, мы считали своим долгом принимать все меры к тому, чтобы лучшие пролетарские элементы из рядов К. А. П. Д. перешли на нашу сторону. Знакомство наше с представителями и вождями Германской Коммунистической Рабочей Партии в самой Германии подтвердило это наше мнение.

Мы рассчитывали в Берлине выступить на общем собрании всех членов берлинской организации Германской Коммунистической Рабочей Партии. Но, к сожалению, это не удалось, в виду вмешательства полиции.

Ту цель, которую поставил себе Коммунистический Интернационал в отношении этой партии, мы будем преследовать систематически и настойчиво. Летом этого года Исполнительный Комитет Коммуни-

стического Интернационала потребовал от Германской Коммунистической Рабочей Партии исключения из ее рядов националистов Лауфенберга и Вольфхейма. С удовлетворением мы должны констатировать, что это наше требование ныне исполнено. И это показало нам, что лучшая пролетарская часть названной партии серьезно хочет итти навстречу Коммунистическому Интернационалу и устранить все те препятствия, которые мешали нашему сближению. Сбежавший с Конгресса Коммунистического Интернационала Отто Рюлле, по возвращении его в Германию, повел контр-революционную агитацию против Советской России, в духе Дитмана. Это типичный интеллигентский отщепенец с вывихнутыми мозгами. Он является вместе с тем, повидимому, отчаянным рекламистом. Еще за день до моего приезда в Германию Рюлле оповестил особой афишей в Галле, что он вызывает меня на публичную дискуссию. На собрание, которое он назначил, публика пришла в большом количестве. Но меня, разумеется, на собрании не было, ибо я не успел еще даже приехать в Галле. Если бы я и успел приехать в Галле, едва ли мне стоило итти спорить с этим господином.

Приятно отметить, что рабочие, составляющие ядро Германской Коммунистической Рабочей Партии, не колеблясь, решили исключить и господина Рюлле, как только они увидели, что он повел контр-революционную агитацию против Советской России.

Среди верхов К. А. П. Д. есть элементы чисто синдикалистские. Есть и люди просто озлобленные внутренней борьбой, которую им пришлось выдерживать, и поэтому неспособные теперь сколько-нибудь объективно взглянуть на вещи. Многие из этих

руководителей, вероятно, окажутся пропащими для пролетарской революции людьми. Но ядро *рабочих*, входящих в К. А. П. Д., все-таки *будет* нашими товарищами.

На съезде в Галле Криспин «остроумно» назвал Германскую Коммунистическую Рабочую Партию «незаконным детищем брачного союза между германскими спартаковцами и русскими коммунистами». Все мещане, присутствовавшие на съезде в Галле, самодовольно ухмылялись и зубоскалили по поводу этого «меткого» словца. Это, однако, не помешает нам, русским коммунистам, настойчиво добиваться того, чтобы лучшая часть рабочих, членов К. А. П. Д., непременно вошла в организуемую ныне объединенную Коммунистическую Партию Германии.

Мы добились того, чтобы члены Германской Коммунистической Рабочей Партии были приглашены на предстоящий общий съезд. Если часть членов К. А. П. Д. на этот объединенный съезд и не пойдет, мы тем не менее будем настойчиво и терпеливо продолжать звать их в наши общие ряды и мы уверены, что в конце-концов большинство рабочих, членов К. А. П. Д., будет в рядах общей партии.

При том общем положении вещей, которое мы описали выше, рабочие с каждым днем все больше революционизируются. Иначе и быть не может. Сила германской революции заключается в том, что Германия страна, как всем известно, промышленная; городское население Германии сильно преобладает над деревенским. В Германии главная масса населения живет в городах, где рабочим легче организоваться. И в Берлине, и в Гамбурге, и в Лейпциге, а особенно в угольном бассейне рабочие в большинстве. На их стороне просто физическое большинство, и от них зависит дело. При таком положении вещей все надежды для рабочего класса Германии—впереди.

Спрашивается, чего именно не хватает германскому рабочему классу, который имеет сильное большинство в городах, чего именно не хватает ему для того, чтобы справиться с буржуазией, которая хромает на обе ноги, которая разорена, обанкротилась? Чего не хватает немецким рабочим для того, чтобы они могли справиться с этой уже полу-парализованной германской буржуазией, которая гниет на наших глазах?

А вот чего.

Нельзя сказать, что германским рабочим не хватает организации. У них *есть* организация. Профессиональные союзы в Германии самые многочи-

сленные. В профессиональные союзы входит около 10 миллионов членов. Нет такого германского рабочего, который не состоял бы в профессиональном союзе. Организация там есть. Чего же не хватает? Не хватает ясной революционной ориентации рабочего класса. Организация не знает, чего она хочет. Организация не имеет еще таких вождей из среды рабочих, которые хотели бы *победить* буржуазию, а не льстить этой буржуазии, с нею кумиться и мириться. Вот чего не хватает германскому рабочему классу. Физическая сила—у рабочих. Громадное большинство активного населения—у рабочих. Союзы и партии имеют много членов, но в союзах и в партиях нет ясности и сознания своих целей.

Почему этого нет?

Разумеется, для этого есть достаточно серьезные причины. Германские капиталисты в течение десятков лет до войны, во время мирного развития подкармливали при помощи крох со своего барского стола целый слой, целую рабочую верхушку, так называемых рабочих «вождей». Они выкормили, таким образом, несколько десятков тысяч, а может быть, теперь и сотню тысяч этаких продавшихся им с потрохами кулаков, выдвинувшихся из среды рабочих. Это — главная опора буржуазии в Германии. Уже много лет тому назад Маркс указывал (он наблюдал это в Англии), как выделялся в Англии слой рабочей аристократии, белой кости из среды рабочих, слой надсмотрщиков, управляющих, чиновников в профсоюзах, редакторов, депутатов, заводских бюрократов, которые за чечевичную похлебку продавали первородство рабочего класса. Если капиталисты протянули такому рабочему «вождю» два

пальца, если директор завода улыбнулся ему или дал ему почетное местечко, так он готов обманывать, готов продать весь рабочий класс, готов хитрить и юлить для того, чтобы помогать буржуазии дальше угнетать рабочий класс. Этот слой рабочей аристократии и бюрократии есть та почва, на которой расцвел махровый цветок, который называется меньшевизмом в России, социал-демократизмом и правым независимством — в Германии. Этот хилый цветок вырос на гнилой болотной почве. Эти рабочие аристократы, выкормленники буржуазии, и являются теперь главной опорой капитала. Целый ряд стран стоят теперь у самого порога революции, но переступить этот порог мешают социалдемократы. Рабочие не могут еще победить последнего препятствия, которое выросло *изнутри*. Они не могут еще взять этого меньшевистского барьера. И германский рабочий класс, это было видно особенно наглядно в Галле, как раз переживает ту минуту, когда он подошел к последнему барьеру: к меньшевистскому барьеру. Когда от германского меньшевизма не останется камня на камне — а дело к этому подходит теперь близко — тогда путь будет расчищен, тогда могучая организация, которая у рабочего класса Германии есть, будет не гирями на ногах рабочих, а станет рычагом, при помощи которого германский рабочий класс перевернет все в буржуазной Германии и отвинтит башку германской буржуазии.

Независимая Партия—это главная рабочая партия в Германии, это—спинной хребет пролетарской Германии. Но в этой партии до сих пор жили под одной крышей пролетарские и меньшевистские эле-

менты. И потому, что меньшевистские элементы терпелись в этой партии и даже верховодили в ней, партия была все время парализована. Она не могла шагу двинуться вперед. В решающую минуту, когда рабочий класс рвался к борьбе, меньшевистское крыло Независимых, правые вожди ставили палки в колеса, удерживали рабочий класс за фалды. Нам в России теперь иной раз непонятно: как это пролетарская партия терпит в своих рядах меньшевиков, как это пролетарская партия могла держать в качестве вождей таких господ, как Криспин, Дитман, Гильфердинг, которые так живо напоминают ту шваль, которая одно время «руководила» и у нас в Петрограде, как Церетели, Дан, Чернов, Чхеидзе и К°?! Нечего удивляться! Мы сами долгие годы терпели то же самое. Давно ли мы освободились от этого? Не так давно! Давно ли миновало то время, когда мы сами, как колодники прикованы к тачке, прикованы были к меньшевикам, ибо были в одной с ними партии! В 1905 году меньшевики не предавали ли нас на каждом шагу? Разве во время первой революции меньшевики вместе с кадетами не предавали питерских и московских рабочих? Разве в 1905 году, во время первого московского восстания, они не предавали нас и не поучали нас: «не надо было браться за оружие»? Что это значило тогда? Это значило тогда — поцеловать кнут царя! Разве мы не видели, как в 1907—8 г.г. меньшевики говорили: не надо заниматься нелегальной работой, распустим партию, ликвидируем старое, сговоримся с кадетами и станем «порядочными» людьми? Разве мы не видели, как в начале войны меньшевики потре-

бовали поддержать войну и царя? А в начале 1917 года меньшевики с Керенским разве не продавались с потрохами той же самой Антанте? Все это еще совсем недавно было и у нас в России.

Мы прошли тяжелую школу более быстро, потому что вошли сразу в полосу революции. Но и мы дорого заплатили за эти уроки. А рабочему классу других стран, где буржуазия была умнее, хитрее, ловчее, где меньшевики также ловчее и лучше извиваются змеей, умнее нашептывают на ухо и тоньше обманывают рабочих — эту полосу приходится изживать и теперь. И она в Германии не совсем еще изжита.

В этом заключается гвоздь положения.

Но сейчас положение рабочих настолько стало тяжело, настолько ясно предательство германских меньшевиков, что и там партия Независимых, которая до сих пор была единой, подошла к расколу. И, разумеется, это будет иметь гигантское значение не только для Германии, но и для всего Интернационала и для всей международной революции, для рабочих Италии, Франции и Англии—в первую очередь. Вот почему можно сказать: в эти дни в городе Галле открывалась новая страница в истории борьбы германского рабочего класса и рабочего класса Европы вообще.

Германские меньшевики тоже не верят ни в бога, ни в чорта. Они мнят себя няньками и гувернерами около рабочего класса. На деле они *мешают* рабочему классу итти вперед. Они воображают, что рабочий класс — несмысленыш, и если его не оградит от шалостей благоразумная меньшевистская

тетка, то рабочий-несмысленыш кинется в борьбу очертя голову и набьет себе шишку на лбу.

Надо было видеть этих почтенных интеллигентских «вождей» в Галле. Они искренно не понимали, эти интеллигентские «вожди», как это их, таких просвещенных, опытных, умелых вождей, и вдруг— рабочие выгоняют! Совершенно так же, как наши меньшевики не понимали этого: Мартов, Дан, Церетели, Чхеидзе и прочие так и ушли от нас с убеждением, что мы совершили величайшую историческую несправедливость, что мы разбили священный интеллигентский сосуд, что мы, варвары, не поняли, какая драгоценность досталась нам на долю, не поняли того, что они, эти многоопытные вожди, это и есть изюминка партии, соль земли и пр. Такая же ненависть замечалась в Галле по отношению к рабочим за то, что они не ценят Гильфердинговскую «изюминку», не гладят «образованных» вождей по головке, что они не ценят тех элементов, которые столько лет держали за фалды германский рабочий класс. Этот раскол был необходим, неизбежен и—он произошел. Остается только сказать: лучше поздно, чем никогда.

Это и есть самый важный вопрос пролетарской революции во всей Европе. Мы в России видали кулаков, вышедших из буржуазного класса и крепкого крестьянства. Но типа кулака-*рабочего* почти нет у нас, потому что у нас развитие шло иначе. У нас было время, когда *вся* рабочая масса хлынула за меньшевизмом; в начале революции весь рабочий класс сделал эту большую ошибку. Но сразу же, когда у него открылись глаза, *весь* класс сразу отхлынул назад от меньшевиков,—когда пролетариат

увидел, что это предатели. В Германии рабочий класс в целом тоже начинает уже отходить от меньшевизма. Но в Германии зато был и остается целый слой того, что можно назвать *рабочими-кулаками*. Это есть слой рабочей аристократии. Этого добра там есть вдосталь.

Когда я бросил на съезде правым вождям слова: вы, господа желтые вожаки союзов, хуже белой гвардии, хуже черносотенной организации «Оргеш», то они взвыли, как от удара бича, и целых три минуты орали, пытаясь сорвать мою дальнейшую речь. Но это *надо было* сказать! *Надо* было, чтобы они взвыли и полгода ругались в газетах и бешенствовали. *Надо* было это сказать—потому что это—*чистая правда*. Здесь нет ни капли преувеличения. В Германии собственными глазами видишь, что главный враг это—кулаки из рабочих, рабочая аристократия, меньшевики, которые создали главную баррикаду, защищающую буржуазию. Эти реакционные рабочие «вожди»—главные враги пролетарской революции. Эти десятки тысяч чиновников, которые держат в своих руках профсоюзы, вспоены и вскормлены рабочим классом на рабочие деньги, на рабочую кровь и пот. А теперь они уселись на спину рабочего класса и предают его. Они хорошо знают рабочую среду, они сами вышли из рабочей среды, они знают наши слабые и сильные стороны, они знают, где у нас что болит, они люди практики, не белоручки. И именно этим они очень ценны для буржуазии. Это прослойка небольшая, но значение ее громадное. Им привыкли еще верить, они знают аппарат, они грамотны, ловки, увертливы. Именно поэтому они особенно опасны. Вот главный и послед-

ний враг рабочей революции в Германии. В Германии видишь особенно наглядно, как именно этот последний враг наш есть ныне самый основной, самый коренной, самый большой враг. Он до известной степени плоть от плоти нашей. Не отрезавши этот ломоть, мы *не можем* победить буржуазию.

Теперь в Германии организуется большая коммунистическая партия, ибо левые Независимые объединились с коммунистами. У них будет партия в 700—800 тысяч членов. Это—гигантская сила. Эта сила должна *сломить* реакционных вождей из рабочей аристократии.

То, что произошло в Галле, и чему мы имели величайшее счастье быть свидетелями и активными участниками, это не только чистка партии, это величайшее *историческое* событие: рабочий класс понял, что надо отрезать гнилой ломоть для того, чтобы стать сильнее. Я говорил господам германским буржуа, когда они меня высылали: когда вы меня впускали, многие из вас, господа буржуа, думали, что мое присутствие будет способствовать расколу Независимой Партии, а буржуазия так глупа, что она считает *каждый* такой раскол выгодным для нее. Я объяснял германским буржуа популярно, что *не каждый* раскол выгоден для них: бывают такие расколы, которые выгодны для *нас*. И для наглядности я дал пример—можно сказать, детски-простой, из четырех правил арифметики.

— Представьте себе полк в тысячу бойцов. 800 бойцов крепких, а остальные 200 это—шкурники, негодяи. Если выбросить вон 200 шкурников, то на первый взгляд этот «раскол» кажется невыгодным, бойцов как будто осталось меньше. А на

самом деле 800 подлинных бойцов будут много сильнее, чем 1000 человек, из которых 200 были трусами, наводящими панику в решительную минуту. Так и у них в германской партии. Если выбросить реформистов, трусов, негодяев, шкурников, одним словом, меньшевиков, разве мы станем от этого слабее? Нет, мы станем сильнее. В опасную минуту среди нас уже никто не будет наводить панику и вносить деморализацию, никто не будет перебегать в решающую минуту на сторону врага, никто не будет предательствовать на каждом шагу. Разве это не выигрыш?

Чего можно ждать в Германии теперь? Повторяем. Когда присмотришься поближе к современному состоянию германского рабочего движения, когда увидишь такое собрание, каким был съезд в Галле, когда вчитаешься в германскую профессиональную печать, тогда убеждаешься еще и еще раз: главная и, пожалуй, единственно серьезная опора германской буржуазии в настоящее время это—рабочая бюрократия и рабочая аристократия, верховодящая в профессиональных союзах Германии. Функционеров (чиновников) в германских свободных профессиональных союзах насчитывается ровным счетом около 100 тысяч человек. Вот она, главная опора, главная белая гвардия буржуазии! Вот она, белая армия германского капитализма! Вот они, цепные псы капитала!

На самую подлую, грязную, палаческую работу буржуазия выдвигает именно этих, с позволения сказать, рабочих «вождей». Эти реакционеры из рабочих отдают буржуазии все, что есть самого ценного у рабочего: вся его энергия, крепость руки, все его знание жизни, одним словом все, что есть

ценного у рабочего, все это этими контр-революционерами из рабочих отдается теперь на службу буржуазии. Когда видишь это поблизости, когда наблюдаешь, как эта рабочая бюрократия собственными руками затягивает петлю на шее рабочего класса, когда видишь, как все без остатка отдается на службу капиталу,—кровь бросается в голову, положительно готов бываешь кусать свои собственные пальцы.

Вот они, главные гири на ногах рабочего класса! Вот оно, последнее препятствие, которое нам надо убрать с пути для того, чтобы стать грудь с грудью против ничтожной кучки капиталистов и раздавить ее просто нашей массой. Нет у рабочего класса горшего врага, чем та кучка выходцев из рабочих, которая продалась с потрохами буржуазии, которая политически возглавляется Шейдеманами, Носке, Гильфердингами, Реноделями и К⁰ и которая в рамках профессиональных организаций возглавляется Легинами и Дисманами, Жуо, Гомперсами и всей остальной контр-революционной «рабочей» швалью.

Нет, будь, что будет! Пусть шипят на весь мир против нас гады оппортунизма, пусть поднимают бешеный вой все большие и малые Дисманы всех стран—эту гадину *надо* раздавить! Лишь тогда, когда рабочий класс тяжелым сапогом наступит на голову этой змее подколодной, лишь тогда, когда змея эта издаст последний свой шип, лишь тогда руки рабочих будут развязаны для окончательной схватки с капиталистами, которым такой верой и правдой служили и еще служат эти «рабочие» лейтенанты, нанятые капиталистами...

Левые Независимые вместе с германской коммунистической партией и лучшими элементами Германской Коммунистической Рабочей Партии создадут теперь большую массовую пролетарскую коммунистическую партию. Буржуазия и их прихлебатели, разумеется, не будут спокойно смотреть на этот факт. Контр-революционный лагерь, который начинается с организации «Оргеш» и кончается в Центральном Комитете правых Независимых, превосходно знает и понимает, какую громадную опасность для буржуазного строя представляет коммунистическая партия, в которую сразу войдет 500—600 тысяч членов, которая, как большой магнит, притянет все лучшие элементы из всех рабочих организаций. Те буржуазные дурни, которые радовались расколу Независимой партии, завтра же начнут скулить и изрыгать хулу, когда они увидят, что раскол этот был только одной стороной медали, что другой стороной этой медали является *объединение* всех лучших элементов рабочего движения в одну могучую коммунистическую партию. Дряблости приходит конец. К. П. Д. (ком. партия Германии) и У. С. П. Д. (Независим. партия Германии) решили уже объединиться, и мы уверены, что громадное большинство лучших рабочих, входящих в К. А. П. Д., не станет стоять в сторонке и примет участие в массовой коммунистической партии, создающейся на наших глазах.

Почуяв опасность, буржуазная шайка и ее правая Независимая и шейдемановская лакейская братия несомненно обрушатся репрессиями на новую партию, и при этом постараются начать эти репрессии как можно скорее, чтобы не дать возможности

новой партии как следует сорганизоваться. Мы почти не сомневаемся в том, что, когда дело дойдет до серьезных столкновений и буржуазия решит, что пора приступать к новому массовому кровопусканию германскому рабочему классу, она опять передаст это деликатное дело господам социал-демократам. Так или иначе господа буржуа постараются создать правительство, в котором главную ответственность будут нести социал-демократы. Очень вероятно, что германская буржуазия привлечет в такое правительство и правое крыло Независимых. Военную сторону разработают Людендорф и «Оргеш», а политическую ответственность за новое избиение рабочих постараются вновь возложить на шейдемановцев и правых Независимых. Да оно и понятно! Чего лучше для германской буржуазии, как произвести расстрел руками Носке и Дисманов? Германский рабочий класс должен вполне сознавать эту опасность и бесстрашно итти ей навстречу, подготовляя свои ряды и выковывая свое оружие.

За последнее время социал-предатели вылетели из министерств в целом ряде стран. Брантинг ушел из председателей Совета Министров Швеции, Реннер и Бауэр покинули свои министерские посты в Австрии, Вандервельде, повидимому, должен будет жить некоторое время без министерского портфеля в Бельгии (одна социалдемократическая газета с самым серьезным видом заявила, что бывший министр своего короля Вандервельде подает в отставку для того, чтобы на досуге вновь заняться делом руководства Интернационалом!). В Чехо-Словакии все социал-предатели вылетели из чехословацкого министерства. Одним словом, нечто вроде

эпидемии. Мавр сделал свое дело, мавр может итти. Буржуазия выкидывает своих «социалистических» лакеев, как только они оказываются излишними. Но это не помешает той же буржуазии вновь пригласить в министерство социал-предателей, как только они ей понадобятся для каких-нибудь новых «деликатных» поручений.

Повторяю, германская буржуазия несомненно сделает эту попытку, как только борьба вступит в решающую фазу.

Дикое бешенство на скамьях правых Независимых в Галле вызвало наше заявление о том, что объективно правым вождям Независимцев никакой другой дороги нет, кроме как объединение с шейдемановцами. Но сколько бы ни выли эти «социалисты»-реакционеры, собравшиеся под крылышком Гильфердинга и Криспина, никакой другой дороги у них действительно нет. Лучшие пролетарские элементы отойдут в партию коммунистов, а правые Независимцы соединятся с так называемыми «левыми» шейдемановцами. Ясность создастся полная. Межеумочной партии нет места в пролетарской революции.

То, что произошло в Галле, имеет гигантское историческое значение для рабочего класса всего мира. Это не просто борьба фракций между собою, это борьба рабочего класса за свое освобождение из-под влияния буржуазии. В партийных отношениях в Германии, благодаря расколу в Галле, происходит целая революция. Германский рабочий класс выходит, наконец, на широкую дорогу. Мы убеждены, что германский рабочий класс освободится теперь от последних идейных пут, которые мешали

ему итти вперед. Он расправляет спину, перестраивает свои ряды и готовится к решающим битвам. Лучшая часть германского рабочего класса указала путь рабочим других стран. Великое спасибо скажут за это рабочие других стран германскому пролетариату.

Вылазка Коммунистического Интернационала на Западе удалась вполне. Поединок между представителями коммунизма и представителями реформизма и полу-реформизма кончился в нашу пользу. Последние могикане оппортунизма, претендовавшие на марксистскую «марку», в идейной борьбе были разбиты на-голову. Выступление Коммунистического Интернационала, по заявлению многих товарищей, произвело впечатление бомбы, разорвавшейся под носом у европейской буржуазии.

Хриплый лай буржуазных шавок, направленный против Коммунистического Интернационала, продолжается во всей европейской буржуазно-черносотенной и белогвардейско-«социал-демократической» печати. Пусть лают! Коммунистический Интернационал пойдет своей дорогой. Под его знаменем соберется рабочий класс всего мира.

Петроград, Смольный.
13 ноября 1920 г.

Цена.
Р. К.

Горичев. Таблица исчисления заработной платы от 150 до 1.000 р. при 6- и 8-часовом рабочем дне . . . . 5 —

Горлов, Н. Темные силы, война и погромы . . . . — 40

Горький, Максим. Макар Чудра. С иллюстр. В. Ходасевич . . 1 —

Его-же. Челкаш 1 50

„ Двадцать шесть и одна 5

„ Дед Архип и Ленька . 1 10

„ Дело с застежками . . 3 —

„ На плотах . . . . . . 4 —

„ Мальва 1 80

„ Коновалов 2 60

„ Тюрьма . . . . 6 —

„ Проходимец . . . . . 10 —

„ Скуки ради 1 40

„ Васька Красный . . . 2 50

„ Кирилка 1 30

„ О евреях 1 10

„ Как я учился . . . . — 90

„ Мое обращение . . . . — 10

„ Вездесущее . . . . . — 75

„ Емельян Пиляй . . . 6 —

Гра, Ф. Марсельцы . . . . . 7 —

Грейлих, Г. Буржуазная революция и освободительная борьба рабочего класса . . . 1 40

Гусев. Теория пролетариата (научный социализм) 1 20

Гюи де-Мопассан. Два приятеля . . . . — 75

Декав. Фленго. Рассказ из времен коммуны 1871 г. . . . . — 25

Декреты о суде 1 50

Дикштейн, С. Кто чем живет. С послесловием Плеханова 1 50

Дитцген. Религия социал-демократии 3 50

Жорес. Мир и пролетариат . . — 45

Закон о лесах Российской Федеративной Советской Республики . . . . — 30

Зиновьев, Г. Корни оборончества 1 10

Его-же. Наше положение и задачи создания Красной армии — 25

Его-же. Австрия и война . . 1 80

Цена.
Р. К.

Зиновьев, Г. Из истории пролетарского праздника 1 мая . . — 30

Его-же. Г. В. Плеханов. Вместо речи на могиле . . . . — 45

Его-же. Хлеб, мир и партии. — 70

„ Рабочие партии и профессиональные союзы . . . 2 25

Его-же. Социализм и война . 1 10

„ Н. Ленин, жизнь и деятельность . . . . 2 —

Его-же. Письмо к крестьянам. — 50

„ Слово к красноармейцам . . . . — 40

Его-же. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс . — 35

Его-же. Что делать в деревне . — 70

„ О мятеже левых эс-эров — 60

„ Франц Меринг . . . — 30

„ Из истории нашей партии 1 10

Его-же. Война и кризис социализма, т. II . . . . 15 —

Его-же. Задачи рабочей и крестьянской молодежи . . . . 90 —

Его-же. Работница, крестьянка и Советская власть . . . . — 70

Его-же. Интернационал молодежи и его задачи . . . . 4 —

Его-же. Что должен знать и помнить коммунист-красноармеец . . . . — 70

Зиновьев, Г. Русская революция и международн. пролетариат 4 50

Его-же. За что борется Красная армия 2 75

Его-же. Новые веяния нашей партии . . . . — —

Его-же. Армия и народ . . . — —

Зиновьев, Г., и *Ленин, Н.* Против течения. 2-е издание . . 10 —

Зиновьев, Г., и *Троцкий, Л.* Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Речи, произнесенные на заседании Петроградского Совета . . . . 2 —

Попов, Илья. Алое поле. Стихотворения. 2-е изд. . . . . — 50

Интернационал и мировая война. Материалы, собранные Карлом Грюнбергом . . . 60 —

Цена 50 руб.

Указанная на книге цена никем
не может быть повышена.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПЕТЕРБУРГ 1920

